

ЛЮБИМАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

АГАТА КРИСТИ

2019

ПОСЛЕДНИЙ
СЕАНС

◆ Agatha Christie® ◆

Агата Кристи
Последний сеанс
Серия «Агата Кристи.
Любимая коллекция»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66217762
Последний сеанс: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-157750-6

Аннотация

В Южной Африке бушует гражданская война. Немецкий предприниматель герр Шефер сделал ставку не на тех людей, и теперь ему приходится бежать из страны. Еще один перевалочный пункт – ферма одного из его компаньонов, – и он окажется в безопасности; ему помогут пересечь границу. Но, стуча в дверь старого приятеля, Шефер даже не догадывается, что за ней притаилось его далекое прошлое. Кое-кто из тех времен, когда он проливал чужую кровь на полях Первой мировой...

Содержание

Последний спиритический сеанс	5
В сумраке зеркала	27
Тайна египетской гробницы	38
I	38
II	46
SOS	63
I	63
II	67
III	75
IV	88
Четвертый человек	92
Святылище Астарты	119
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Агата Кристи

Последний сеанс

Agatha Christie
The Last Séance

Copyright © Agatha Christie Limited 2019. All rights reserved

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Последний спиритический сеанс

Рауль Добрей перешел на другой берег Сены, мурлыча себе под нос какую-то песенку. Это был красивый молодой француз лет тридцати двух, свежий, румяный, с небольшими черными усиками на лице. По профессии он был инженером. Вскоре он дошел до улицы Кардоне и свернул к двери дома номер 17. Консьержка выглянула из своей каморки и нехотя поздоровалась, он весело ей ответил. Затем поднялся по лестнице к квартире на четвертом этаже, позвонил и, ожидая, когда ему откроют, снова начал напевать ту же мелодию. Сегодня утром Раулю Добрею было особенно радостно. Дверь открыла пожилая француженка, и ее морщинистое лицо расплылось в улыбке при виде гостя.

– Доброе утро, мсье.

– Доброе утро, Элиза, – ответил Рауль и прошел в прихожую, снимая на ходу перчатки. – Мадам меня ждет, не так ли? – бросил он через плечо.

– Конечно, мсье.

Элиза закрыла дверь и повернулась к нему.

– Мсье, пройдите, прошу вас, пройдите в маленький салон. Мадам выйдет через несколько минут. В данный момент она отдыхает.

Рауль поднял на нее взгляд.

– Она нездорова?

– Нездорова! – фыркнула Элиза.

Она прошла вперед и открыла перед Раулем дверь маленького салона. Он вошел, и она вошла следом, продолжив:

– Нездорова! Как же она может быть здоровой, бедная овечка? Сеансы, сеансы, вечно сеансы! Это неправильно, неестественно, не то, что нам предназначил Господь Бог. Я вам прямо скажу: по-моему, это сделка с дьяволом.

Рауль ободряюще похлопал ее по плечу.

– Ну-ну, Элиза, – утешил он ее, – не волнуйтесь так, и не надо видеть происки дьявола во всем непонятном.

Элиза с сомнением покачала головой.

– А, ладно, – проворчала она себе под нос, – мсье может говорить что хочет, но мне это не нравится. Посмотрите на мадам, она с каждым днем все бледнеет и худеет, и эти головные боли!.. – Она воздела руки к небу. – Ах нет, это нехорошо, вся эта возня с душами. Души, в самом деле! Все добрые души в раю, а остальные – в чистилище.

– Ваши взгляды на жизнь после смерти освежающе простодушны, Элиза, – заметил Рауль, усаживаясь в кресло.

Старая женщина выпрямилась.

– Я – добрая католичка, мсье.

Она перекрестилась, пошла к двери, потом остановилась, взявшись за дверную ручку, и умоляющим тоном произнесла:

– Потом, когда вы поженитесь, мсье, все это прекратится?

Рауль нежно улыбнулся ей.

– Вы – добрая женщина, Элиза, – сказал он, – и преданы своей хозяйке. Не бойтесь, когда она станет моей женой, вся эта «возня с духами», как вы ее назвали, прекратится. Мадам Добрей больше не будет проводить сеансы.

Лицо Элизы расплылось в улыбке.

– Вы правду говорите? – настойчиво спросила она.

Добрей серьезно кивнул.

– Да, – ответил он, больше обращаясь к себе, чем к ней. – Да, все это должно прекратиться. У Симоны волшебный дар, и она его часто использует, но теперь она уже сыграла свою роль. Как вы только что справедливо заметили, Элиза, день ото дня она все бледнеет и худеет. Жизнь у медиума особенно трудная и тяжелая, она требует ужасного напряжения нервов. Но все равно, Элиза, ваша хозяйка – самый чудесный медиум в Париже, даже во всей Франции. Люди со всего мира приезжают к ней, потому что знают, что здесь нет никаких трюков, никакого обмана.

Элиза презрительно фыркнула.

– Обмана! Да мадам не смогла бы обмануть и новорожденного младенца, если бы даже попыталась.

– Она ангел, – с жаром согласился молодой француз. – А я – я сделаю все, что в моих силах, чтобы она была счастлива. Вы мне верите?

Элиза выпрямилась и заговорила с достоинством:

– Я служу мадам уже много лет, мсье. И при всем уважении могу сказать, что люблю ее. Если бы я не считала, что

вы ее обожаете, как она того заслуживает, – ну, тогда, мсье, я бы разорвала вас на мелкие кусочки.

Рауль расхохотался.

– Bravo, Элиза! Вы верный друг, и вы должны одобрять меня теперь, когда я вам сказал, что мадам собирается оставить в покое этих духов.

Он ожидал, что старуха ответит смехом на эту шутку, но, к его удивлению, она оставалась мрачной.

– А что, мсье, если духи не оставят ее в покое?

Рауль изумленно посмотрел на нее.

– Что вы имеете в виду?

– Я спросила, – повторила Элиза, – что, если духи не оставят ее в покое?

– Я думал, вы не верите в духов, Элиза?

– Я и не верю, – упрямо ответила Элиза. – Глупо в них верить. И все равно...

– Так что же?

– Мне трудно объяснить, мсье. Видите ли, я всегда думала, что эти медиумы, как они себя называют, просто хитрые мошенники, использующие тех несчастных, которые потеряли своих близких. Но мадам не такая. Мадам добрая. Мадам честная и...

Она понизила голос и заговорила благоговейным тоном:

– *Всякое бывает.* Это не обман, но всякое бывает, и поэтому мне страшно. Потому что я уверена, мсье, это неправильно. Это противно природе и противно Богу, и кому-то

придется заплатить.

Рауль встал, подошел к ней и похлопал по плечу.

– Успокойтесь, моя добрая Луиза, – сказал он с улыбкой. – Послушайте, я вам сейчас сообщу хорошую новость. Сегодня состоится последний из этих сеансов; потом уже не будет никаких сеансов.

– Значит, сегодня сеанс состоится? – с подозрением спросила старуха.

– Последний, Элиза, последний.

Элиза с несчастным видом покачала головой.

– Мадам не в том состоянии... – начала она.

Но ей не дали договорить. Дверь открылась, и вошла высокая светловолосая женщина. Она была стройной и изящной, с лицом мадонны Боттичелли. Лицо Рауля засияло, а Элиза быстро и деликатно удалилась.

– Симона!

Он взял в свои ладони ее длинные белые руки и поцеловал их по очереди. Она тихо прошептала его имя:

– Рауль, мой дорогой...

Он снова поцеловал ее руки, потом пристально всмотрелся в ее лицо.

– Симона, как ты бледна! Элиза сказала мне, что ты отдыхаешь; ты не заболела, любимая?

– Нет, не заболела... – Она заколебалась.

Рауль подвел ее к дивану и сел рядом с ней.

– Тогда расскажи мне.

Женщина-медиум слабо улыбнулась.

– Ты сочтешь меня глупой, – тихо произнесла она.

– Я? Сочту тебя глупой? Никогда.

Симона высвободила свою руку. Несколько секунд она сидела совершенно неподвижно, уставившись вниз, на ковер.

Потом сказала тихо и быстро:

– Я боюсь, Рауль.

Он подождал пару минут, ожидая продолжения, и так как она молчала, спросил ободряюще:

– Да чего ты боишься?

– Просто боюсь. Вот и все.

– Но...

Он озадаченно посмотрел на нее, и она быстро ответила на его взгляд.

– Да, это абсурд, не так ли; и все же я чувствую именно это. Боюсь, и ничего больше. Я не знаю, чего или почему, но все время меня мучит мысль, что со мной случится что-то ужасное, ужасное...

Она неподвижно смотрела прямо перед собой. Рауль нежно обнял ее.

– Моя драгоценная, – сказал он, – перестань. Ты не должна поддаваться. Я знаю, в чем дело, Симона, это все напряжение, напряжение жизни медиума. Тебе всего лишь нужен отдых, отдых и покой.

Она с благодарностью посмотрела на него.

– Да, Рауль, ты прав. Именно это мне нужно – отдых и

покой.

Она закрыла глаза и прислонилась к его плечу.

– И счастье, – шепнул ей на ухо Рауль.

Он теснее прижал ее к себе. Симона, не открывая глаз, глубоко вздохнула.

– Да, – тихо ответила она, – да. Когда твои руки обнимают меня, я чувствую себя в безопасности. Я забываю о своей жизни... ужасной жизни медиума. Ты многое знаешь, Рауль, но даже ты не до конца понимаешь, что это значит.

Он почувствовал, как ее тело застыло в его объятиях. Симона снова открыла глаза, глядя прямо перед собой.

– Сидишь в кабинете, в темноте, ждешь, а темнота ужасна, Рауль, ибо это темнота пустоты, небытия. И ты по своей воле отдаешься ей, теряешься в ней. Потом ты ничего не знаешь, ничего не чувствуешь, но в конце концов начинается медленное, мучительное возвращение, пробуждение от сна, а ты так устала, так ужасно устала...

– Я понимаю, – прошептал Рауль, – понимаю.

– Так устала, – еще раз шепнула Симона.

Все ее тело, казалось, обмякло, когда она повторила эти слова.

– Но ты великолепна, Симона.

Рауль взял ее руки в свои, стараясь заставить разделить с ним его энтузиазм.

– Ты уникальна, ты величайший медиум, какого только знал мир.

Она покачала головой, слегка улыбаясь.

– Да, да, – настаивал Рауль. Он вынул из кармана два письма. – Посмотри, это от профессора Роша из Сальпетриера, а это от доктора Женира из Нанси, и оба они умоляют тебя иногда проводить для них сеансы.

– Ах, нет! – Симона вскочила. – Я не стану, не стану. Это должно закончиться, с этим нужно покончить. Ты мне обещал, Рауль.

Добрей с изумлением смотрел на нее, а она стояла перед ним, покачиваясь, похожая на загнанного зверя. Она встал и взял ее за руку.

– Да, да. Конечно, с этим покончено, мы договорились. Но я так горжусь тобой, Симона, вот почему я упомянул об этих письмах.

Она искоса взглянула на него, с подозрением.

– Ты больше никогда не захочешь, чтобы я снова проводила сеансы?

– Нет-нет, – заверил ее Рауль, – разве только ты сама этого захочешь, просто время от времени, для этих старых друзей...

Но она взволнованно перебила его:

– Нет-нет, больше никогда. Это опасно. Я говорю тебе, я чувствую, это очень опасно.

Симона на минуту сжала ладонями виски, потом подошла к окну.

– Обещай мне, больше никогда, – сказала она уже спокой-

нее, оглянувшись через плечо.

Рауль последовал за ней и обнял ее за плечи.

– Моя дорогая, – нежно произнес он, – я обещаю, что после сегодняшнего сеанса тебе больше не придется этого делать.

Он почувствовал, как она внезапно вздрогнула.

– Сегодня, – прошептала она. – Ах да, я забыла о мадам Экс.

Рауль посмотрел на свои часы.

– Она придет с минуты на минуту; но, Симона, если ты себя плохо чувствуешь...

Симона его почти не слушала; она прислушивалась к своим собственным мыслям.

– Она странная женщина, Рауль, очень странная женщина. Ты знаешь, она... она приводит меня в ужас.

– Симона!

В его голосе прозвучал упрек, и она это сразу почувствовала.

– Да, да, я знаю, ты такой же, как все французы, Рауль. Для тебя мать – это святое, и с моей стороны жестоко думать о ней так, когда она горюет о своем умершем ребенке. Но – я не могу объяснить этого, она такая большая и черная, а ее руки – ты обращал внимание на ее руки, Рауль? Большие, сильные руки, сильные, как у мужчины... Ах!

Она слегка вздрогнула и закрыла глаза. Рауль убрал руку и заговорил почти холодно:

– Я действительно не понимаю тебя, Симона. Несомненно, ты, женщина, должна испытывать лишь симпатию к другой женщине, матери, потерявшей своего единственного ребенка.

Симона нетерпеливо махнула рукой.

– Ах, это ты не понимаешь, мой друг! С такими вещами ничего нельзя поделать. В первый же момент, когда я ее увидела, я почувствовала... – Она вскинула руки. – Страх! Ты помнишь, я долго не соглашалась провести для нее сеанс? Я была уверена, что она каким-то образом принесет мне несчастье.

Рауль пожал плечами.

– А в действительности она принесла тебе как раз нечто противоположное, – сухо возразил он. – Все сеансы проходили очень успешно. Дух маленькой Амели сразу же захватил контроль над тобой, и материализация была поразительной. Профессору Рошу следовало бы присутствовать на последнем сеансе.

– Материализация, – тихо произнесла Симона. – Скажи мне, Рауль, – тебе известно, что я ничего не знаю о том, что происходит, пока я нахожусь в трансе, – эта материализация действительно такая чудесная?

Он с энтузиазмом кивнул головой.

– На первых нескольких сеансах фигура ребенка виделась в каком-то туманном ореоле, – объяснил он, – но на последнем...

– Что?

Он заговорил очень мягко:

– Симона, девочка, которая стояла там, была настоящим, живым ребенком из плоти и крови. Я даже дотронулся до нее, но увидел, что это прикосновение причиняет тебе боль, и не позволил мадам Экс сделать то же самое. Я боялся, что она потеряет контроль над собой и в результате ты можешь пострадать.

Симона снова отвернулась к окну.

– Я совершенно лишилась сил, когда очнулась, – прошептала она. – Рауль, ты уверен... ты действительно уверен, что все это правильно? Ты знаешь, старая добрая Элиза считает, что я заключила сделку с дьяволом.

Она неуверенно рассмеялась.

– Ты знаешь, во что я верю, – серьезно ответил Рауль. – При соприкосновении с неизвестным всегда существует опасность, но это дело благородное, потому что совершается ради Науки. Во всем мире были мученики Науки, первопроходцы, заплатившие высокую цену, чтобы другие могли без опасений пройти по их стопам. Уже десять лет ты работаешь на благо науки и платишь за это ужасным нервным напряжением. Теперь твоя миссия окончена, с сегодняшнего дня ты свободна и сможешь быть счастлива.

Она нежно улыбнулась ему, спокойствие вернулось к ней. Затем она быстро бросила взгляд на часы.

– Мадам Экс опаздывает, – тихо произнесла она. – Может,

она не придет?

– Думаю, придет, – возразил Рауль. – Твои часы немного спешат, Симона.

Женщина прошлась по комнате, переставляя там и сям безделушки.

– Интересно, кто она, эта мадам Экс? – спросила она. – Откуда она родом, кто ее родные? Странно, что мы ничего о ней не знаем.

Рауль пожал плечами.

– Большинство людей сохраняют инкогнито, если это возможно, когда приходят к медиуму, – заметил он. – Это элементарная предосторожность.

– Наверное, – вяло согласилась Симона.

Маленькая фарфоровая вазочка, которую она держала в руках, выскользнула из пальцев и разбилась на кусочки о плитки камина. Она резко повернулась к Раулю.

– Ты видишь, – прошептала она. – Я сама не своя. Рауль, ты меня сочтешь большой трусихой, если я скажу мадам Экс, что не могу провести сегодня сеанс?

Выражение болезненного изумления на его лице заставило ее покраснеть.

– Ты обещала, Симона... – мягко начал он.

Она прижалась спиной к стене.

– Я не стану его проводить, Рауль. Я не хочу.

И снова этот его взгляд, полный ласковой укоризны, заставил ее поморщиться.

– Я не о деньгах думаю, Симона, хотя ты должна понимать, что эта женщина предложила тебе за последний сеанс огромные деньги, просто огромные.

Она с вызовом перебила его:

– Есть вещи, которые значат больше, чем деньги.

– Несомненно, есть, – ласково согласился он. – Именно это я и хочу сказать. Подумай, эта женщина – мать, которая потеряла своего единственного ребенка. Если ты не так уж больна, если это всего лишь каприз с твоей стороны, ты можешь не удовлетворить прихоть богатой женщины, но можешь ли ты не помочь матери в последний раз взглянуть на своего ребенка?

Медиум в отчаянии выставила перед собой ладони.

– Ох, ты меня мучаешь, – прошептала она. – Все равно, ты прав. Я сделаю, как ты хочешь, но я знаю теперь, чего боюсь, – это слово «мать».

– Симона!

– Существуют определенные примитивные силы, Рауль. Большая их часть уничтожена цивилизацией, но материнство стоит на том же месте, где стояло сначала. Животные, человеческие существа, все одинаковые. Любовь матери к своему ребенку не может сравниться ни с чем в мире. Она не знает закона, жалости, она ни перед чем не остановится, она без всяких угрызений совести сметет все, что стоит на ее пути.

Симона замолчала, слегка задыхаясь, затем повернулась к

нему с быстрой, обезоруживающей улыбкой.

– Я сегодня веду себя глупо, Рауль. Я это знаю.

Он взял ее руку в свои и настойчиво предложил:

– Полежи пару минут. Отдохни, пока она не пришла.

– Хорошо. – Симона улыбнулась ему и вышла из комнаты.

Рауль простоял пару минут в задумчивости, затем подошел к двери, открыл ее и прошел через маленькую прихожую. Он вступил в комнату на другом ее конце, в гостиную, очень похожую на ту, из которой только что ушел, но на одном ее конце находился альков с большим креслом. Его закрывали шторы из тяжелого черного бархата. Элиза готовила комнату к сеансу. Рядом с альковом она поставила два стула и маленький круглый столик. На столике лежали бубен, рожок, бумага и карандаши.

– В последний раз, – бормотала Элиза с мрачным удовлетворением. – Ах, мсье, хотелось бы мне, чтобы все это было уже позади.

Раздался резкий сигнал электрического звонка.

– Вот и она, эта огромная женщина, похожая на жандарма, – продолжала старая служанка. – Почему она не может пойти в церковь и помолиться, как положено, о душе своей маленькой дочки, поставить свечку нашей Божьей Матери? Разве не знает Господь наш, что для нас лучше?

– Откройте дверь, Элиза, – повелительным тоном приказал Рауль.

Она бросила на него косой взгляд, но подчинилась и через

пару минут вернулась вместе с посетительницей.

– Я скажу хозяйке, что вы пришли, мадам.

Рауль шагнул вперед и пожал руку мадам Экс. Слова Симоны всплыли в его памяти: «Такая большая и такая черная».

Она действительно была крупной женщиной, и плотная черная ткань французской траурной одежды в ее случае выглядела почти преувеличением. Ее голос, когда она заговорила, был очень низким.

– Боюсь, я немного опоздала, мсье.

– Всего на несколько минут, – ответил с улыбкой Рауль. – Мадам Симона прилегла. Мне жаль это говорить, но она плохо себя чувствует, очень переутомилась, и нервы у нее напряжены.

Ее рука, которую она как раз собиралась убрать, снова сжала его руку, как тисками.

– Но она проведет сеанс? – резко спросила мадам Экс.

– О да, мадам.

Она вздохнула с облегчением, опустилась в кресло, снимая одну из тяжелых черных вуалей, окутывающих ее, и тихо произнесла:

– Ах, мсье, вы представить себе не можете, какое изумление и радость приносят мне эти сеансы! Моя малышка! Моя Амели! Видеть ее, слышать ее, даже – может быть – да, может быть, даже иметь возможность протянуть руку и прикоснуться к ней...

Рауль заговорил быстро и настойчиво:

– Мадам Экс, как мне это объяснить? Ни в коем случае вы не должны ничего предпринимать, только выполнять мои указания, иначе это грозит очень большой опасностью.

– Опасностью для меня?

– Нет, мадам, – ответил Рауль. – Для медиума. Вы должны понять, что те явления, которые происходят, наука объясняет определенным образом. Я объясню вам их очень просто, не прибегая к научным терминам. Дух, чтобы проявиться, должен использовать реальную физическую субстанцию медиума. Вы видели пар, стекающий с губ медиума. Он в конце концов сгущается и формируется в физическое подобие мертвого тела духа. Но эта эктоплазма, как мы считаем, является настоящей субстанцией самого медиума. Мы надеемся когда-нибудь это доказать путем взвешивания и опытов, но огромная трудность заключается в опасности и страданиях, которым подвергается медиум в процессе этого явления. Если кто-то грубо вмешается в материализацию, это может привести к смерти медиума.

Мадам Экс слушала его с большим вниманием.

– Это очень интересно, мсье. Скажите мне, не настанет ли такое время, когда материализации настолько усовершенствуются, что смогут отделиться от своего родителя, от медиума?

– Это фантастическое предположение, мадам.

Она упорствовала:

– Но это не невозможно?

– Совершенно невозможно – сегодня.

– Но, может быть, в будущем?

Раулю не пришлось отвечать, так как в этот момент вошла Симона. Она выглядела слабой и бледной, но явно полностью овладела собой. Женщина подошла и пожала руку мадам Экс, хотя Рауль заметил, как при этом по ее телу пробежала едва заметная дрожь.

– Сожалею, мадам, что вы плохо себя чувствуете, – произнесла мадам Экс.

– Это ерунда, – ответила Симона довольно резко. – Начнем?

Она прошла к алькову и села в кресло. Неожиданно на Рауля, в свою очередь, накатила волна страха.

– Ты еще слишком слаба! – воскликнул он. – Лучше мы отменим сеанс. Мадам Экс поймет.

– Мсье! – Мадам Экс вскочила в негодовании.

– Да, да, лучше его отменить, я уверен.

– Мадам Симона обещала мне один, последний сеанс.

– Это правда, – спокойно согласилась Симона, – и я готова выполнить свое обещание.

– Вы дали мне слово, мадам, – напомнила посетительница.

– Я не нарушу своего слова, – холодно ответила Симона. – Не бойся, Рауль, – мягко добавила она, – в конце концов, это ведь в последний раз... в последний раз, слава богу.

По ее знаку Рауль задернул альков тяжелым черным занавесом. Он также задернул шторы на окне, поэтому комната почти погрузилась в темноту. Он указал мадам Экс на один из стульев, а сам собрался занять второй. Однако мадам Экс колебалась.

– Вы простите меня, мсье, но... вы понимаете, я полностью доверяю вашей честности и честности мадам Симоны, – но все равно, чтобы мое свидетельство было более ценным, я взяла на себя смелость захватить с собой вот это.

Из своей сумочки она достала моток тонкой веревки.

– Мадам! – воскликнул Рауль. – Это оскорбление!

– Предосторожность.

– Повторяю, это оскорбление.

– Я не понимаю ваших возражений, мсье, – холодно произнесла мадам Экс. – Если никакого обмана нет, вам нечего бояться.

Рауль насмешливо рассмеялся.

– Я вас уверяю, что мне нечего бояться, мадам. Свяжите меня по рукам и ногам, если желаете.

Его речь не произвела того эффекта, на какой он надеялся, так как мадам Экс просто бесстрастно произнесла:

– Благодарю вас, мсье, – и двинулась к нему со своей веревкой.

Внезапно Симона закричала из-за занавеса:

– Нет, нет, Рауль, не позволяй ей делать это!

Мадам Экс с презрением рассмеялась.

– Мадам боится, – саркастически заявила она.

– Да, я боюсь.

– Думай, что ты говоришь, Симона! – крикнул Рауль. –

Мадам Экс, очевидно, считает нас шарлатанами.

– Я должна удостовериться, – мрачно произнесла мадам Экс.

Она методически принялась за работу и крепко привязала Рауля к стулу.

– Должен поздравить вас, мадам, с таким умением вязать узлы, – с иронией заметил он, когда она закончила. – Теперь вы удовлетворены?

Мадам Экс не ответила. Она обошла комнату, пристально рассматривая панели стен. Затем заперла дверь, ведущую в прихожую, вынула ключ и вернулась к своему стулу.

– А теперь, – произнесла она тоном, который невозможно описать, – я готова.

Шли минуты. Из-за занавеса доносились звуки дыхания Симоны, которое становилось все более тяжелым и хриплым. Затем оно совсем замерло, потом послышались стоны. Потом снова воцарилась тишина, ненадолго, ее прервал звон бубна. Кто-то схватил со стола рожок и бросил его на пол. Послышался издевательский смех. Занавес алькова слегка отодвинулся, и в щель стала видна фигура медиума, ее голова была опущена на грудь. Внезапно мадам Экс громко ахнула. Полоса тумана, похожая на ленту, выползала изо рта медиума. Туман сгустился и начал постепенно обретать очер-

тания, очертания маленькой девочки.

– Амели! Моя маленькая Амели!

Хриплый шепот раздался из уст мадам Экс. Туманная фигура еще больше сгустилась. Рауль едва верил своим глазам. Никогда раньше не происходило более успешной материализации. Теперь перед ним явно стоял настоящий ребенок, ребенок из плоти и крови.

– Маман!

Это произнес нежный детский голосок.

– Мое дитя! – закричала мадам Экс. – Мое дитя!

Она привстала со стула.

– Осторожно, мадам! – предостерегающе крикнул Рауль.

Материализовавшийся ребенок неуверенно вышел из-за занавеса. Это была девочка. Она стояла, вытянув вперед руки.

– Маман!

– Ах! – воскликнула мадам Экс и снова привстала со стула.

– Мадам, – закричал Рауль в тревоге, – медиум...

– Я должна дотронуться до нее! – хрипло крикнула мадам Экс.

Она сделала шаг вперед.

– Ради бога, мадам, возьмите себя в руки! – закричал Рауль. Теперь его охватила настоящая тревога. – Сядьте немедленно.

– Моя малышка, я должна прикоснуться к ней.

– Мадам, я вам приказываю, сядьте!

Он отчаянно извивался в своих путах, но мадам Экс хорошо сделала свое дело: он был беспомощен. Ужасное ощущение надвигающейся катастрофы охватило его.

– Ради бога, мадам, сядьте! – закричал он. – Помните о медиуме.

Мадам Экс повернулась к нему и хрипло рассмеялась.

– Какое мне дело до вашего медиума? – крикнула она. – Мне нужна моя дочь.

– Вы сошли с ума!

– Моя дочь, говорю я вам. Моя! Моя собственная! Моя плоть и кровь! Моя малышка вернулась ко мне из мира мертвых, живая, она дышит...

Рауль открыл рот, но не мог вымолвить ни слова. Она была ужасна, эта женщина! Безжалостная, яростная, поглощенная своей страстью. Губы ребенка приоткрылись, в третий раз эхом разнеслось слово:

– Маман!

– Иди ко мне, моя малышка! – крикнула мадам Экс.

Она резким движением обхватила руками свою дочь. Из-за занавеса раздался долгий вопль, полный страдания.

– Симона! – закричал Рауль. – Симона!

Как в тумане, он видел, как мадам Экс промчалась мимо него и отперла дверь, а потом услышал удаляющийся звук шагов на лестнице.

Из-за занавеса все еще доносился ужасный, пронзитель-

ный, непрерывный вопль, Рауль никогда не слышал ничего подобного. Вопль закончился ужасным бульканьем. Затем раздался глухой стук упавшего тела...

Рауль с маниакальным упорством старался вырваться из пут. Ему удалось сделать невозможное, он с неистовой силой разорвал веревку. Когда он с трудом встал, вбежала Элиза с криком:

– Мадам!

– Симона! – закричал Рауль.

Они вместе подбежали и раздвинули занавес.

Рауль отшатнулся.

– Боже мой! – прошептал он. – Красное... все красное...

Голос Элизы, хриплый и дрожащий, произнес рядом с ним:

– Значит, мадам умерла. Это закончилось. Но скажите, мсье, что случилось? Почему мадам так съежилась, почему она вдвое меньше своего обычного размера? Что здесь происходило?

– Я не знаю, – ответил Рауль. Его голос поднялся до крика. – Я не знаю! Я не знаю! Но я думаю... я схожу с ума... Симона! Симона!

В сумраке зеркала

Мне трудно объяснить то, что случилось. Не знаю даже, как и почему это произошло. Так было – вот все, что я могу сказать.

И тем не менее меня иногда мучает вопрос – а как бы все пошло дальше, если бы я вовремя обратил внимание на одну чрезвычайно важную деталь, истинное значение которой стало мне ясным лишь через многие годы? Обрати я внимание – и, наверное, жизнь троих людей сложилась бы совсем иначе. И эта мысль, надо сказать, порою меня пугает.

Для того чтобы рассказать все по порядку, нужно вернуться к лету 1914 года – то было перед самой войной, – когда мне случилось уехать из Лондона в Бейджуорси вместе с Нейлом Карслейком. Нейл был тогда для меня, пожалуй, лучшим другом. Еще раньше мне довелось познакомиться с его братом Аланом, но знакомство было не столь близким. С их сестрой, которую звали Сильвией, мне прежде встретиться не доводилось. Она была на два года моложе Алана и на три года младше Нейла. Правда, когда мы с ним еще вместе учились в школе, я раза два собирался провести часть каникул у них в поместье, которое и называлось Бейджуорси, но этому оба раза что-то помешало. И получилось так, что я впервые побывал в доме у Нейла и Алана, когда мне исполнилось двадцать три года.

Предполагалось, что нас там соберется довольно большая компания. Незадолго до моего приезда состоялась помолвка сестры Нейла, Сильвии, с неким Чарльзом Кроули. Он, по словам Нейла, был гораздо старше ее, но вполне славный парень и притом весьма недурно обеспеченный.

Помнится, мы приехали около семи вечера. Каждый отправился в свою комнату переодеться к обеду. Нейл провел меня в ту, которую отвели мне. Дом в Бейджуорси был старым, беспорядочно выстроенным, но привлекательным. Последние три столетия всевозможные пристройки к нему возводились по мере надобности и без всякого плана, так что в нем то и дело встречались маленькие ступеньки, ведущие то вниз, то вверх, и даже попадались лестницы в самых неожиданных местах. Этот дом был из тех, где легко заблудиться. Помню, Нейл обещал по дороге в столовую зайти за мною. Ожидание первой встречи с его родителями вселяло в меня некоторую робость. Помнится, я тогда со смехом заметил, что в таком доме в каком-нибудь из коридоров можно наткнуться на привидение, а он беззаботно ответил, что, кажется, ему говорили, будто там действительно их любимое место, но что никто из нынешних обитателей дома никогда их не видел и что он даже не знает, какой вид привидение может принять.

Потом он поспешил к себе, а я принялся выуживать из чемоданов свой вечерний костюм. Семья Карслейк была небогатой; они продолжали жить в старом доме, но у них не бы-

ло слуг, чтобы распаковать багаж или привести в порядок одежду.

Итак, я дошел как раз до стадии завязывания галстука и стоял перед зеркалом. В нем я мог видеть свое лицо, плечи и часть стены позади меня – обыкновенная стена с дверью посередине, – но стоило мне затянуть и поправить галстук, как я заметил, что дверь открывается.

Не знаю, почему я не обернулся, – думаю, это было бы естественнее всего; так или иначе, я этого не сделал. Я лишь наблюдал за тем, как дверь медленно распахнулась, – и после этого увидел через дверной проем другую комнату.

То была спальня – размером больше моей, – в ней стояло две кровати, и вдруг я заметил нечто такое, от чего у меня перехватило дыхание.

У изголовья кровати я увидел девушку, которую какой-то мужчина ухватил за шею и не спеша опрокидывал на спину, все сильнее сдавливая горло и медленно удушая.

Ошибки быть не могло. Я все видел предельно четко. На моих глазах происходило убийство.

Я мог ясно видеть лицо девушки, ее блестящие золотые волосы, а также ужас и предсмертную агонию на прекрасном лице, постепенно наливающимся кровью. Что касается мужчины, то я мог видеть его спину, его руки и шрам, идущий через левую половину лица к шее.

Для того чтобы описать эту картину, мне потребовалось некоторое время, однако на самом деле все заняло лишь од-

ну-две секунды, пока я смотрел на это, совершенно ошеломленный. Потом я обернулся, чтобы поспешить на помощь...

И у стены позади меня, той самой, что отражалась в зеркале, я увидел только викторианский платяной шкаф черного дерева. Никакой открытой двери – никакой сцены насилия. Я повернулся обратно к зеркалу. В нем отражался только шкаф...

Я протер глаза. Потом бросился к шкафу и постарался отодвинуть его, и в тот момент Нейл вошел через дверь, ведущую в коридор, и спросил, чем я, черт побери, занимаюсь.

Он, должно быть, подумал, что я слегка чокнулся, когда я потребовал сказать, есть ли за шкафом дверь. Он ответил, что да, конечно, дверь существует и выходит в соседнюю комнату. Я спросил, кто занимает соседнюю комнату, и он сообщил, что там сейчас живут Олдхемы – майор Олдхем с женой. Затем я спросил, точно ли у миссис Олдхем очень светлые волосы, и, когда он сухо возразил, что она брюнетка, я наконец понял, каким выгляжу дураком. Я собрался с духом, пробормотал какое-то неуклюжее объяснение, и мы вместе спустились в столовую. Я сказал себе, что у меня, наверное, была галлюцинация – мне было довольно стыдно, и я отчасти чувствовал себя ослом.

А затем... затем Нейл сказал: «Моя сестра Сильвия», – и я увидел перед собой прелестное лицо девушки, которую только что душили на моих глазах, и... и меня представили ее жениху, высокому смуглому человеку *со шрамом, шед-*

шим через левую половину лица.

Так-то вот. Хотелось бы мне, чтобы вы подумали и сказали, как поступили бы на моем месте. Передо мной стояли девушка – та самая девушка – и тот мужчина, которого я видел душившим ее, и они собирались через месяц пожениться...

Может, я видел пророческую картину будущего? А что, если нет? Как знать, вдруг Сильвия и ее муж приедут сюда погостить, им отведут эту комнату (лучшую из незанятых постоянно живущими здесь членами семьи), и ужасная сцена, свидетелем которой я стал, произойдет в действительности?

Что мне делать? И вообще, могу ли я сделать *хоть что-нибудь*? Поверят ли мне? Поверит ли Нейл, поверит ли его сестра?

Я постоянно думал об этом, прикидывая так и эдак, в течение всей недели, проведенной в их доме. Сказать или не сказать? Увы, почти сразу все осложнилось еще одним обстоятельством. Дело в том, что я влюбился в Сильвию Карслейк в тот самый момент, когда увидел ее... Она мне стала дороже всего на свете... И это некоторым образом связывало мне руки.

Но если так ей и не сказать, Сильвия выйдет замуж за Чарльза Кроули, и тот может ее убить...

И вот за день до моего отъезда я решил все ей выложить. Я так и сказал, что она вправе считать меня сумасшедшим или кем-то в этом роде, но я готов поклясться чем угодно,

что расскажу лишь то, что сам видел, и потому, раз уж она собралась выйти за Кроули, мой долг поведать ей о странном видении в зеркале.

Она слушала очень спокойно. В ее глазах было что-то такое, чего я не понимал. Она совсем не сердилась. Когда я закончил, она невесело поблагодарила меня. А я повторял и повторял, словно дурак: «Я действительно видел. Я вправду это видел», – пока она не остановила меня словами: «Конечно, видели, раз вы так говорите. Я вам верю».

В итоге я ушел от нее, так и не сумев понять, действительно ли поступил правильно или сваял дурака, но спустя неделю Сильвия разорвала помолвку с Чарльзом Кроули.

Затем началась война – и просто не было времени много раздумывать о чем-то, кроме нее. Раз или два, когда я бывал в увольнении, мне случалось видеть Сильвию, но я старался избегать таких встреч.

Я любил ее и ходил по ней с ума как никогда, но меня не оставляло чувство, что это была бы игра не по правилам. Ведь из-за меня она разорвала помолвку с Кроули, и я все время говорил себе, что смогу оправдать свой поступок, лишь если проявлю полную личную незаинтересованность.

В 1916 году Нейл погиб, и на мою долю выпало сообщить Сильвии о последних минутах его жизни. После этого мы уже не могли по-прежнему вести себя словно чужие. Сильвия боготворила Нейла, а я считал его лучшим другом. Она была прекрасна, невыразимо прекрасна в своем горе. И мне

с трудом удавалось придерживать язык, чтобы не пуститься в плаксивые рассуждения о том, как случайная пуля может положить конец моему ничтожному бытию. Но жизнь без Сильвии действительно не имела для меня смысла.

И все-таки среди пролетавших мимо пуль моей так и не нашлось. Одна из них, правда, царапнула меня под правым ухом, другая отскочила от лежащего в кармане портсигара, но сам я остался невредим. Чарльз Кроули был убит в бою в начале 1918 года.

Мне показалось, что это многое переменяло. Вернувшись домой осенью того же года, перед самым концом войны, я сразу пошел к Сильвии и признался ей в любви. Я не слишком надеялся сразу завоевать ее расположение, и можно представить, как я был ошеломлен, когда она спросила меня, почему я не открылся ей раньше. Я промямлил что-то о Кроули, но она спросила: «А как ты думаешь, почему я с ним порвала?» – и еще добавила, что влюбилась в меня с первого взгляда, как и я в нее.

Я ответил, что мне казалось, будто она разорвала помолвку из-за рассказанной мною истории, но она горько рассмеялась и сказала, что если женщина действительно любит мужчину, то никогда не окажется настолько трусливой, после чего мы еще раз обсудили в деталях мое давнишнее видение и нашли его странным, но не более того.

Какое-то время в нашей жизни не происходило ничего такого, о чем стоило бы рассказывать. Мы с Сильвией поже-

нились и были очень счастливы. Но вскоре после того, как она стала действительно принадлежать мне, я понял, что не создан быть лучшим из мужей. Я любил Сильвию преданно, однако был ревнив и, как дурак, ревновал ко всем, кому ей случалось хотя бы улыбнуться. Сперва ее это забавляло; думаю, ей даже отчасти нравилось. По крайней мере, это доказывало, как сильно я влюблен.

Что касается меня, я понимал достаточно ясно и хорошо, что не просто выгляжу дураком, но и ставлю под удар мир и счастье нашей семейной жизни. Да, я отдавал себе в этом отчет, но ничего не мог изменить. Каждый раз, когда Сильвия получала письмо и не показывала его мне, я не находил себе места, раздумывая, кто бы его мог прислать. Если она смеялась, разговаривая с каким-то мужчиной, я замечал, что становлюсь мрачным и подозрительным.

Как я уже говорил, сперва Сильвия только посмеивалась надо мной. Моя ревность представлялась ей потрясающей шуткой. Потом эта шутка уже не казалась ей такой забавной. В конце концов она вообще перестала считать ее шуткой...

Постепенно она стала отдаляться от меня. Не в каком-то физическом смысле, но она перестала делиться со мною тайными мыслями. Я больше не знал, о чем она думает. Она была добра ко мне, но в той доброте сквозили грусть и отстраненность.

Мало-помалу я понял, что она больше не любит меня. Любовь ее умерла, и убил ее именно я...

Следующий шаг стал неизбежен, и я понял, что жду его и боюсь...

Затем в нашу жизнь вошел Дерек Уэйнрайт. Он имел все, чего не было у меня. Остроумен, и мозги в порядке. Хорош собою и, кстати, – вынужден это признать – славный во всех отношениях парень. Стоило мне его увидеть, как я сказал сам себе: «Вот подходящий мужчина для Сильвии...»

Она боролась с этим. Знаю, что боролась... но я не пришел ей на помощь. Не мог. Я отсиживался за стеной мрачной, угрюмой сдержанности. В душе моей полыхал адский огонь, но я не мог пошевелить даже пальцем, чтобы спасти себя. Я не помог ей. Наоборот, сделал лишь хуже. Однажды я дал волю гневу и накричал на нее – сплошная череда диких, незаслуженных оскорблений. Я чуть не сошел с ума от ревности и страданий. То, что я говорил, было жестоко и несправедливо, и уже во время той сцены я прекрасно понимал всю жестокость и несправедливость сказанного. И все-таки я испытывал необузданное удовольствие...

Помню, как Сильвия вспыхнула и отпрянула от меня...

Ее терпение лопнуло.

Помню, она сказала: «Так не может продолжаться...»

Когда я вернулся поздно вечером, дом был пуст... Пуст. Лежала записка – вполне традиционного содержания.

В ней говорилось, что она уходит – так будет лучше. Она собиралась уехать в Бейджуорси и пробыть там день или два. Затем намеревалась отправиться к одному человеку, кото-

рый ее любит и которому она нужна. Мне давалось понять, что это конец и я должен смириться с этим.

Пожалуй, до этого момента я по-настоящему не верил в свои собственные подозрения. Однако письмо, написанное черным по белому и подтверждающее мои самые худшие опасения, привело меня в состояние буйного помешательства. Я отправился в Бейджуорси так быстро, как позволял мне мой автомобиль.

Помню, она едва переделалась к обеду в вечернее платье, когда я ворвался к ней в комнату. Как сейчас вижу ее лицо – удивленное, прекрасное, испуганное.

– Никому, – проговорил я, – никому ты не будешь принадлежать, кроме меня.

Я схватил ее за горло, сжал обеими руками и опрокинул ее на спину.

И вдруг я увидел наше отражение в зеркале. Задышающую Сильвию и себя самого, душащего ее, и шрам на моей щеке, там, где пуля оцарапала ее ниже правого уха.

Нет, я не убил ее. Внезапное прозрение парализовало меня, я разжал руки и позволил ей соскользнуть на пол...

Я разрыдался, и она утешала меня... Да, она утешала меня.

Я все рассказал ей, и она тоже мне рассказала, что под «одним человеком, который ее любит и нуждается в ней», она подразумевала своего брата Алана... В тот вечер мы заглянули друг другу в сердца и с того момента уже никогда

больше не отдалялись друг от друга...

Однако печально жить с мыслью, что если б не зеркало и не милость божья, то я мог бы оказаться убийцей...

Но кое-что все-таки умерло той ночью – тот демон ревности, который мучил меня так долго...

И тем не менее мне иногда хочется знать – конечно, если я не ошибся тогда, в первый раз, – почему шрам был на *левой* щеке, когда он должен бы находиться на *правой*, как и положено в зеркальном отражении... Следовало ли мне быть настолько уверенным, что тот мужчина – действительно Чарльз Кроули? Стоило ли мне предупреждать Сильвию? Должна она была выйти за меня или за него?

Иными словами, так ли прочно связаны прошлое и будущее?

Я человек простой и не претендую на то, чтобы понимать подобные вещи, но что я видел, то видел, и как следствие этого, я и Сильвия теперь вместе – как говорили в старину, пока смерть не разлучит нас. А быть может, и дольше...

Тайна египетской гробницы

I

Пожалуй, одним из самых волнующих и драматических расследований, в которых я принимал участие вместе с моим другом Пуаро, было расследование серии загадочных смертей, последовавших вслед за обнаружением и вскрытием усыпальницы фараона Менхера.

Почти сразу же после обнаружения гробницы Тутанхамона лордом Карнарвоном, сэром Джон Уиллард и мистер Блайбнер из Нью-Йорка, проводя раскопки недалеко от Каира, вблизи пирамид Гизы, неожиданно наткнулись на ряд погребальных камер. Их открытие вызвало очень большой интерес. Оказалось, что гробница принадлежит фараону Менхеру, одному из тех малоизвестных фараонов восьмой династии, которые правили в то время, когда Древнее царство уже склонялось к упадку. Об этом периоде было очень мало что известно, поэтому находку в подробностях описывали в газетах. Вскоре же после этого произошло событие, которое надолго приковало к себе внимание читающей публики. Сэр Джон Уиллард неожиданно умер от сердечной недостаточности. В погоне за сенсацией многие газеты немедленно вытащили на свет все старые суеверные истории, связанные

с несчастьями, которые приносили некоторые из египетских сокровищ. Страхнули пыль даже с несчастной мумии в Британском музее, этой всем навязшей в зубах старухи. Жуткие истории, связанные с нею, категорически отрицались музеем, но не потеряли своей обычной привлекательности для широкой публики.

Через две недели от острого заражения крови умер мистер Блайбнер. А через несколько дней после этого в Нью-Йорке застрелился его племянник.

«Проклятие Менхера» стало основной темой разговоров, а мистические силы давно исчезнувшего Древнего Египта были возведены читающей публикой в ранг фетиша.

Именно тогда Пуаро получил короткую записку от леди Уиллард, вдовы умершего археолога, в которой она просила моего друга нанести ей визит в ее доме на Кенсингто-сквер. Я отправился вместе с ним.

Леди Уиллард оказалась высокой, худой женщиной, носящей глубокий траур. Ее измученное лицо ярко свидетельствовало о недавней потере.

– Очень мило с вашей стороны так быстро откликнуться на мою просьбу, месье Пуаро.

– Я к вашим услугам, леди Уиллард. Вы хотели посоветоваться со мной?

– Я знаю, что вы известный детектив, но хотела бы обратиться к вам не только как к детективу. Я знаю, что вы человек оригинальных взглядов, у вас есть воображение и вы

много путешествовали; скажите же мне, месье Пуаро, что вы думаете о сверхъестественном?

Мой друг немного поколебался, прежде чем ответить на этот вопрос. Казалось, что он о чем-то размышляет. Наконец Пуаро произнес:

– Давайте расставим все точки над *i*, леди Уиллард. Ведь вы задали мне этот вопрос не из простого любопытства. Он имеет для вас личный интерес, разве не так? Наверное, вы имеете в виду недавнюю смерть вашего несчастного мужа?

– Именно так, – согласилась женщина.

– Вы хотите, чтобы я расследовал обстоятельства его смерти?

– Я хочу, чтобы вы точно определили для меня, что во всем этом – газетные сплетни, а что – непреложные факты. Три смерти, месье Пуаро, – каждая из них вполне ordinary, если брать их по отдельности, но, взятые вместе, они представляют собой совершенно невероятную цепь совпадений, случившихся в течение месяца после вскрытия гробницы! Возможно, все это простое суеверие, а может быть, это какое-то мощное проклятие из прошлого, которое действует способами, неизвестными нашей науке. Однако факт остается фактом – три смерти! И я боюсь, месье Пуаро, очень боюсь, что это еще не конец.

– А за кого вы боитесь?

– За сына. Когда пришли вести о смерти моего мужа, я заболела. Мой сын, который только что закончил Оксфорд, по-

ехал туда сам. Он доставил домой тело, а сейчас опять уехал туда же, несмотря на все мои просьбы и мольбы. Его настолько потрясла эта работа, что он решил занять место своего отца и продолжить раскопки. Вы можете считать меня глупой, суеверной женщиной, месье Пуаро, но я боюсь. А что, если дух умершего фараона все еще не успокоился? Вы можете считать, что я говорю чепуху...

– Ни в коем случае, леди Уиллард, – быстро ответил Пуаро. – Я тоже верю в потусторонние силы – одни из величайших сил, с которыми приходится сталкиваться нашему миру.

Я с удивлением посмотрел на моего друга. Мне никогда не пришло бы в голову считать Пуаро суеверным. Но было очевидно, что маленький человечек говорит совершенно серьезно:

– Так вы хотите, чтобы я охранял вашего сына? Я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить его.

– От обычных опасностей – да, но как быть с влиянием сил сверхъестественных?

– В книгах, написанных в Средние века, леди Уиллард, вы найдете много советов о том, как сопротивляться черной магии. Может быть, тогда люди знали больше, чем знаем мы сейчас со всей нашей хваленой наукой. А теперь давайте вернемся к фактам. Ваш муж всегда интересовался Древним Египтом, не так ли?

– Да, с молодости. Он был одним из самых крупных авторитетов в этой области из живущих сейчас.

– А мистер Блайбнер, если я правильно понимаю, был скорее любителем?

– Вот именно. Он был очень состоятельным человеком, который был готов вкладываться в любую область, которая вызывала у него интерес. Моему мужу удалось заинтересовать его египтологией, и экспедиция финансировалась на его деньги.

– А его племянник? Что вы о нем знаете? Входил ли он в состав экспедиции?

– Не думаю. Более того, я и не подозревала о его существовании до того, как прочитала о его смерти в газетах. Не думаю, что мистер Блайбнер и его племянник были близки. Он никогда не упоминал о своих с ним отношениях.

– А кто еще входит в состав экспедиции?

– Еще в нее входят доктор Тосвилл, мелкий клерк из Британского музея, мистер Шнайдер из музея «Метрополитен» в Нью-Йорке, молодой секретарь – американец мистера Блайбнера, доктор Эймс, который является врачом экспедиции, и старый слуга моего мужа, Хассан, из местных.

– А вы не помните имени секретаря-американца?

– Кажется, Харпер, но не уверена. Он не слишком давно работает с мистером Блайбнером, насколько я знаю. Но выглядит он очень приятным молодым человеком.

– Благодарю вас, леди Уиллард.

– Если я еще чем-то...

– В настоящий момент – ничем. Оставьте это мне и будьте

уверены, что я сделаю все, что в человеческих силах, чтобы защитить вашего сына.

Прозвучали эти слова моего друга не очень убедительно, и я заметил, как леди Уиллард быстро заморгала, когда он их произнес. С другой стороны, тот факт, что Пуаро не высмеял ее страхи, уже был для нее облегчением.

Со своей стороны я никогда не предполагал, что Пуаро был настолько глубоко суеверен. Когда мы возвращались домой, я заговорил с ним об этом. Его ответы были серьезными и торжественными:

– Да, Гастингс. Я действительно верю в это. Вы не должны недооценивать могущество потусторонних сил.

– И что же мы теперь будем делать?

– *Toujours pratique*¹, мой добрый Гастингс! *Eh bien*, для начала отправим телеграмму в Нью-Йорк, чтобы поподробнее узнать о смерти молодого Блайбнера.

И он немедленно направил телеграмму. Ответ был длинным и детальным.

Последние несколько лет молодой Руперт Блайбнер испытывал денежные затруднения. Он перебивался случайными заработками и занимался ремитированием² на нескольких южных островах, но два года назад вернулся в Нью-Йорк, где

¹ Как всегда, работать (*фр.*).

² Ремитирование – способ расчетов, при котором должник покупает на валюту своей страны иностранную валюту на национальном валютном рынке и пересылает ее своему кредитору.

стал быстро опускаться все ниже и ниже. Самым важным, на мой взгляд, было то, что недавно он смог занять крупную сумму денег на поездку в Египет. «В Египте у меня хороший друг, который даст мне займы», – объявил он тогда. Однако его планам не суждено было исполниться. Вернувшись в Нью-Йорк, он на всех углах стал проклинать своего сквалыгу-дядюшку, который беспокоится больше о древних костях и давно умерших фараонах, чем о своих собственных родственниках. Во время его посещения Египта умер сэр Джон Уиллард. Руперт опять погрузился в свою жизнь мота в Нью-Йорке, а затем без всякого предупреждения совершил самоубийство, оставив посмертное письмо, в котором содержалось несколько любопытных фраз. Казалось, что письмо было написано в состоянии раскаяния. Он говорил о себе как о прокаженном и парии, а кончалось письмо заявлением, что таким людям, как он, лучше умереть.

У меня появилась некая теория. Дело в том, что я никогда особенно не верил в месть давно умерших египетских фараонов. И здесь я тоже увидел более современное преступление. Представим себе, что этот молодой человек решил покончить со своим дядей – отравить его. Случилось так, что приготовленное снадобье выпил сэр Джон. Молодой человек возвращается в Нью-Йорк, мучаясь от сознания своей вины. Он получает известие о смерти своего дяди, понимает, что его преступление было абсолютно бессмысленным, и, сраженный раскаянием, убивает себя.

Эту идею я сообщил Пуаро. Мне показалось, что она его заинтересовала:

– Гениально, что подобная мысль могла прийти вам в голову, – совершенно гениально. Это может быть даже правдой. Но вы не учитываете фатального влияния гробницы.

Я пожал плечами:

– А вы продолжаете считать, что оно имеет ко всему этому какое-то отношение?

– Настолько, что завтра мы с вами отправляемся в Египет, *mon ami*.

– Что?! – воскликнул я с удивлением.

– То, что я сказал. – На лице Пуаро появилось выражение осознанного героизма, а потом он простонал: – О боже, это море! Это ужасное море!

II

Неделю спустя мы увидели под ногами золотистый песок пустыни. Горячее солнце пекло наши головы. Пуаро, живое воплощение несчастья, угасал рядом со мной. Мой маленький друг никогда не был хорошим путешественником. Четыре дня поездки из Марсея в Александрию стали для него одной сплошной агонией. На берег в Александрии сошла лишь жалкая тень того, что когда-то был моим другом. Даже его всегдашняя опрятность покинула его.

Мы прибыли в Каир и немедленно направились в отель «Мена Хаус», находившийся прямо в тени пирамид. Я уже успел поддаться очарованию Египта. Однако на Пуаро оно не произвело никакого впечатления. Одетый точно так же, как в Лондоне, и вооруженный маленькой платяной щеткой, он объявил решительную войну пыли, которая собиралась на его темных одеяниях.

– А мои ботинки, – стонал он, – вы только взгляните на них, Гастингс... Мои ботинки из лучшей кожи, ручной работы, они всегда были такими чистыми и блестящими! А теперь взгляните – внутри у них песок, что очень болезненно, а снаружи на них тоже песок, что оскорбляет взгляд. А эта жара! Из-за нее мои усы обвисли – обвисли, Гастингс!

– Взгляните на сфинкса, – призвал его я, – даже я чувствую тайну и очарование, которые он излучает.

Пуаро взглянул на него с неудовольствием и ворчливо проговорил:

– Он не выглядит слишком счастливым. Да и как это возможно, если он по грудь, притом очень неаккуратно, занесен песком... Черт бы побрал этот песок!

– Да бросьте вы! В Бельгии тоже достаточно песка, – напомнил я своему другу, вспоминая отдых, проведенный в Ноксюр-Мер, среди «*les dunes impeccables*»³, как описывал их путеводитель.

– Но не в Брюсселе, – объявил Пуаро и задумчиво посмотрел на пирамиды. – Хорошо хоть, что у них геометрическая форма и выглядят они достаточно непоколебимо. Но все равно, неровность их поверхности меня раздражает. А вот пальмы мне совсем не нравятся. Они даже не удосужились рассадить их рядами!

Я решительно прекратил его жалобы, предложив поскорее отправиться в лагерь. Ехать надо было на верблюдах, и животные спокойно стояли на коленях, ожидая, когда мы на них взберемся. За ними следили несколько живописных подростков во главе с болтливым погонщиком. Не буду описывать Пуаро на верблюде. Начал он со стонов и жалоб, а закончил криками, жестикуляцией и заклинаниями Святой Девы Марии и всех остальных существующих святых. В конце концов, мой друг с позором слез с верблюда и закончил путешествие на маленьком ослике. Должен признать, что поезд-

³ Великолепных дюн (*фр.*).

ка на верблюде, идущем рысью, совсем не шутка для непривычного человека. Я сам не мог сгибаться в течение нескольких дней после этого.

Наконец мы прибыли к месту раскопок. Нас встретил загорелый мужчина с седой бородой, одетый в белую одежду и пробковый шлем.

– Месье Пуаро и капитан Гастингс? Мы получили вашу телеграмму. Прошу прощения, что никто не встретил вас в Каире. Непредвиденное обстоятельство полностью нарушило все наши планы.

Пуаро побледнел. Его рука, тянувшаяся к платяной щетке, замерла на полпути.

– Надеюсь, не еще одна смерть? – выдохнул он.

– Именно смерть.

– Сэр Гай Уиллард? – вырвалось у меня.

– Нет, капитан Гастингс. Мой американский коллега, мистер Шнайдер.

– А причина?

– Столбняк.

Я побелел. Все вокруг показалась мне недобрым, коварным и угрожающим. В голову мне пришла ужасная мысль. А что, если я окажусь следующим?

– *Mon Dieu*, – чуть слышно произнес Пуаро. – Скажите, месье, а диагноз «столбняк» не вызывает никаких сомнений?

– Кажется, нет. Но доктор Эймс сможет рассказать вам больше, чем я.

– Ах, ну да, вы же не врач...

– Меня зовут Тосвилл.

Так, значит, нас встретил британский специалист, которого леди Уиллард описала как «мелкого клерка из Британского музея».

– Если вы пройдете со мной, – продолжил доктор Тосвилл, – то я проведу вас к сэру Гаю Уилларду. Он просил сразу же сообщить ему, как только вы прибудете.

Через весь лагерь нас провели к большой палатке. Доктор Тосвилл поднял полог, и мы смогли войти. В палатке находилось трое мужчин.

– Месье Пуаро и капитан Гастингс наконец прибыли, сэр Гай, – объявил Тосвилл.

Самый молодой из трех вскочил и подошел к нам, чтобы поприветствовать. Его импульсивные манеры напомнили мне о его матери. Он не был таким загорелым, как остальные, и это вместе с глубокими морщинами вокруг глаз делало его старше своих двадцати двух лет. Было ясно видно, что он старается справиться с серьезным психическим стрессом. Сэр Гай представил нам двух своих компаньонов: доктора Эймса, мужчину лет тридцати, с начавшими сесть висками, выглядевшего достаточно профессионально, и мистера Харпера, секретаря, стройного молодого человека приятной наружности, носящего национальное американское украшение в виде очков в черепаховой оправе.

Обменявшись с нами несколькими ничего не значащими

фразами, он вышел из палатки в сопровождении доктора Говилла, и мы остались с сэром Гаем и доктором Эймсом.

– Прошу вас, задавайте любые вопросы, которые вас интересуют, месье Пуаро, – предложил Уиллард. – Мы абсолютно ошарашены этой странной полосой несчастий, но это не... это не может быть ничем, кроме простого совпадения.

В его поведении была заметна излишняя нервозность, которая опровергала его слова. Я увидел, что мой друг пристально его изучает.

– Вы действительно всем сердцем прикипели к этой работе, сэр Гай?

– Вы знаете, да. И не важно, что еще может произойти и что из всего этого может получиться, но работа будет продолжена. Будьте в этом уверены.

Пуаро повернулся ко второму мужчине:

– И что вы можете на это сказать, *monsieur le docteur*?⁴

– Что ж, – проговорил врач, растягивая слова, – сам я не думаю, что нам надо отступить.

Пуаро скорчил одну из своих очень экспрессивных гримас.

– В этом случае, *évidemment*, мы должны понять, на чем стоим. Когда умер мистер Шнайдер?

– Три дня назад.

– Вы уверены, что это был столбняк?

– На все сто процентов.

⁴ Господин доктор (*фр.*).

– Это не могло быть отравление, например, стрихнином?

– Нет, месье Пуаро. Я понимаю, к чему вы клоните. Но это был абсолютно очевидный случай столбняка.

– А вы что, не вводили ему антисыворотку?

– Конечно, вводили, – сухо ответил врач, – мы сделали все, что необходимо в подобных случаях.

– Антисыворотка была у вас с собой?

– Нет, мы приобрели ее в Каире.

– А в лагере случались другие случаи столбняка?

– Нет, ни одного.

– И вы уверены, что мистер Блайбнер, в свою очередь, умер не от столбняка?

– Абсолютно уверен. Он поранил большой палец, и рана загноилась. Началось заражение крови. Для непосвященного разница не очень большая, однако в действительности это две абсолютно разные вещи.

– В таком случае у нас есть четыре смерти, все не похожие друг на друга: сердечный приступ, заражение крови, самоубийство и столбняк.

– Именно так, месье Пуаро.

– А вы уверены, что нет ничего, что могло бы связать их воедино?

– Я вас не совсем понимаю.

– Тогда я объясню проще. Совершили ли эти четыре человека нечто, что могло обидеть дух Менхера?

Пораженный, доктор уставился на маленького бельгийца:

– Вы несете ерунду, месье Пуаро. Не могу поверить, чтобы вы прислушивались к этим дурацким разговорам.

– Полная ахинея, – со злостью пробормотал Уиллард.

Казалось, что это не произвело на моего друга никакого впечатления; он только продолжал изредка мигать своими зелеными кошачьими глазами:

– То есть вы в это не верите, *monsieur le docteur*?

– Нет, сэръ, не верю, – объявил доктор с нажимом. – Я ученый и верю только тому, что укладывается в рамки науки.

– А что, в Древнем Египте науки не было? – мягко спросил Пуаро. Он не стал ждать ответа – казалось, что доктор Эймс на какое-то мгновение потерял дар речи. – Нет, нет, можете мне не отвечать. Лучше скажите мне вот что: как к этому относятся местные рабочие?

– Думаю, – сказал доктор Эймс, – что так же, как и белое простонародье, местные аборигены легко теряют голову. Я бы сказал, что они испуганы – без всякой на то причины.

– Так ли это? – уклончиво произнес Пуаро.

Сэр Гай наклонился вперед.

– Не может быть, – воскликнул он с недоверием, – чтобы вы верили в... Боже, но ведь это полный абсурд. Если вы так думаете, то вы ничего не знаете о Древнем Египте.

Вместо ответа Пуаро достал из кармана небольшую книжку – древний, потрепанный томик. Когда он поднял ее, я смог прочитать название «Колдовство египтян и халдеев». После этого мой друг развернулся на каблуках и вышел из

палатки.

Врач воззрился на меня:

– Что он хотел этим сказать?

Эта фраза, которую я так часто слышал от Пуаро, в устах другого человека заставила меня улыбнуться.

– Точно не знаю, – признался я. – Но мне кажется, что он планирует заняться изгнанием злых духов.

Я отправился на поиски Пуаро и нашел его беседующим с молодым человеком с худощавым лицом, который оказался секретарем мистера Блайбнера.

– Нет, – говорил мистер Харпер, – с экспедицией я провел только последние шесть месяцев. Да, я достаточно хорошо знал состояние дел мистера Блайбнера.

– А вы не можете рассказать мне ничего из того, что касалось бы его племянника?

– В один прекрасный день он неожиданно появился здесь. Довольно симпатичный парень. Я до этого никогда с ним не встречался, а другие – например, доктор Эймс, кажется, и Шнайдер – встречались. Старик совсем не обрадовался, когда его увидел. И они сразу же сцепились друг с другом, только искры посыпались. «Ни цента, – кричал старик, – ни единого цента, ни сейчас, ни после моей смерти. Я оставляю все свои деньги на продолжение этой работы всей моей жизни. Как раз сегодня я обсуждал это с мистером Шнайдером». Ну и так далее, в том же духе. После этого молодой Блайбнер немедленно ретировался в Каир.

– В то время его ничего не беспокоило? Я имею в виду в смысле здоровья?

– Старика?

– Нет, молодого.

– Кажется, он упоминал что-то о том, что не совсем здоров, но это не могло быть ничем серьезным, иначе я бы запомнил.

– И еще одно. Мистер Блайбнер оставил завещание?

– Насколько мы знаем – нет.

– Вы собираетесь остаться в экспедиции, мистер Харпер?

– Нет, сэр. Не собираюсь. Как только закончу здесь с делами, немедленно смотаюсь в Нью-Йорк. Вы можете смеяться, если хотите, но я не хочу стать следующей жертвой этого чертова Менхера. А он точно достанет меня, если я здесь останусь. – Молодой человек смахнул пот с брови.

Пуаро повернулся и сказал через плечо с особенной улыбкой:

– Не забывайте, одну из своих жертв он достал и в Нью-Йорке.

– О, черт возьми, – в голосе мистера Харпера слышалось напряжение.

– Этот юноша явно нервничает, – задумчиво сказал Пуаро. – Он почти дошел до ручки, до самой ручки.

Я с любопытством посмотрел на своего друга, но ничего не смог прочитать за его загадочной улыбкой.

Вместе с сэром Гаем Уиллардом и доктором Госвиллом

мы осмотрели раскопки. Все основные находки были уже перевезены в Каир, но то, что осталось от обстановки гробницы, было очень интересно. Было видно, что молодой баронет относится ко всему этому с большим энтузиазмом, однако мне показалось, что в его манерах я заметил некоторую нервность, как будто он никак не мог избавиться от ощущения угрозы, которая витала в воздухе. Когда мы вернулись в предоставленную нам палатку, чтобы умыться перед обедом, то увидели высокую темную фигуру, которая встретила нас у входа. Она отступила в сторону и сделала изящный жест рукой, приглашая нас войти. При этом раздалось приветствие на арабском языке. Пуаро остановился:

– Вы Хассан, слуга сэра Джона Уилларда?

– Я служил моему хозяину сэру Джону, а теперь служу его сыну. – Мужчина подошел на шаг ближе и понизил голос: – Говорят, что вы мудрый человек, который знает, как бороться со злыми духами. Уговорите молодого хозяина уехать отсюда. Здесь, в воздухе вокруг нас, кружится зло.

Он сделал резкий жест и, не дожидаясь ответа, ушел.

– Зло в воздухе, – пробормотал Пуаро. – Да, я его чувствую.

Наш обед нельзя было назвать веселым. Говорил в основном доктор Тосвилл, который бесконечно рассуждал о египетских древностях. Когда мы уже готовились вернуться к себе в палатку, чтобы отдохнуть, сэр Гай схватил Пуаро за руку и указал вдаль. Между палатками двигалась темная фи-

гура, похожая на тень. Это был не человек – я хорошо рассмотрел фигуру с головой собаки, которую много раз видел вырезанной на стенах гробницы.

При виде ее кровь застыла у меня в жилах.

– *Mon Dieu!* – прошептал Пуаро, истово перекрестившись. – Это Анубис, бог мертвых с головой шакала.

– Кто-то пытается нас разыграть, – воскликнул доктор Тосвилл, возмущенно вскочив на ноги.

– Она прошла в вашу палатку, Харпер, – произнес сэр Гай, смертельно побледнев.

– Нет, – не согласился мой друг, покачав головой, – в палатку доктора Эймса.

Доктор уставился на него с недоверием, а затем закричал, повторяя слова Тосвилла:

– Кто-то пытается нас разыграть. За мной, мы схватим этого молодчика!

И он энергично бросился вслед за туманным контуром.

Я побежал вслед за ним, но, как мы ни старались, наши поиски не дали результатов – мы так и не смогли найти никаких следов исчезнувшей фигуры. Слегка сбитые с толку, мы вернулись назад и увидели Пуаро, который принимал свои собственные энергичные меры для того, чтобы обеспечить нашу безопасность. Он был занят тем, что окружал нашу палатку различными диаграммами и надписями, которые рисовал на песке. Я увидел повторяющуюся много раз пятиконечную звезду. Рисуя, Пуаро одновременно произносил экспромтом

лекцию о колдовстве и магии. Белая магия против черной с частыми упоминаниями Ка и «Книги мертвых». Это вызвало самое живое участие со стороны доктора Тосвилла, который отвел меня в сторону, кипя от ярости.

– Все это ерунда, сэр, – сердито воскликнул он, – абсолютная ерунда. Этот человек – совершенный самозванец. Он не знает разницы между суевериями Средних веков и верованиями Древнего Египта. Я никогда в жизни не слышал такой смеси невежества и обмана.

Я, как мог, успокоил возмущенного эксперта и присоединился к Пуаро в палатке. Мой маленький друг светился от счастья.

– Теперь мы можем спокойно ложиться, – весело объявил он. – А поспать мне не помешает. Голова просто раскалывается от боли. Как бы хотел я выпить хорошую *tisane*!

И словно в ответ на его мольбы, полы палатки раздвинулись, и в нее вошел Хассан с чашкой, наполненной горячим настоем, которую он вручил Пуаро. Это оказался ромашковый чай – жидкость, которую так любил мой друг. Поблагодарив Хассана и отказавшись от второй чашки для меня, мы наконец остались одни. Раздевшись, я некоторое время постоял у входа в палатку, рассматривая пустыню, а затем громко произнес:

– Великолепное место – и прекрасная работа. Я сердцем чувствую это очарование. Жизнь в пустыне, проникновение в самое сердце исчезнувшей цивилизации. Вы же тоже чув-

ствуете это очарование, а, Пуаро?

Не получив ответа, я повернулся, слегка взволнованный. Мое волнение очень быстро сменилось ужасом. Пуаро лежал поперек грубой лежанки с изуродованным гримасой лицом. Рядом с ним валялась пустая чашка. Сначала я бросился к нему, а потом выскочил из палатки и через весь лагерь полетел к палатке доктора Эймса.

– Доктор Эймс! – закричал я. – Скорее!

– Что случилось? – спросил врач, появляясь на пороге своей палатки в пижаме.

– Мой друг. Он болен. Умирает. Ромашковый чай. Не позволяйте Хассану выйти из лагеря.

С быстротой молнии врач бросился к нашей палатке. Пуаро лежал в том же положении, в котором я его и оставил.

– Невероятно! – воскликнул доктор Эймс. – Посмотрите на эти судороги – что, вы говорите, он выпил перед этим? – Врач поднял пустую чашку.

– Я ничего не пил, – раздался спокойный голос.

В удивлении мы с доктором повернулись. Пуаро сидел на разложенной кровати и улыбался.

– Нет, – повторил он мягким голосом, – я ничего не пил. Пока мой добрый друг Гастингс восхищался ночью, я смог вылить содержимое, но не себе в рот, а в маленькую бутылочку. И эта маленькая бутылочка направится прямо к химику-аналитику. Нет, – добавил он, видя, что врач сделал движение, – как умный человек, вы же понимаете, что наси-

лие ничего вам не даст. Пока Гастингс бегал за вами, у меня было достаточно времени, чтобы надежно спрятать бутылочку... Скорее, Гастингс, держите его!

Я неправильно понял последний возглас Пуаро. Желая защитить своего друга, я закрыл его собой. Но быстрое движение врача имело другую цель. Его рука метнулась ко рту, по палатке разнесся резкий запах миндаля, врач сделал шаг вперед и упал.

– Еще одна жертва, – мрачно произнес Пуаро. – Но на этот раз – последняя. Может быть, так даже и лучше, ведь на его совести было три убийства.

– Так это был доктор Эймс? – глупо спросил я. – А я думал, что вы верите в сверхъестественные силы...

– Вы неправильно меня поняли, Гастингс. Я говорил только о том, что верю в величайшую силу суеверий. Стоит только заставить общество поверить, что серия убийств совершена потусторонними силами, и вы можете спокойно зарезать человека среди бела дня – это все равно будет объяснено проклятием мертвецов, – что доказывает, сколь глубоко вера в потусторонний мир укоренилась в сознании человечества. Я с самого начала заподозрил, что кто-то пытается использовать этот инстинкт в свою пользу.

Думаю, что идея пришла ему в голову после смерти сэра Джона Уилларда. Ведь она вызвала целый вал суеверий. Но я понимал, что смерть сэра Джона никому ничего не давала. Другое дело – смерть мистера Блайбнера. Он обладал колос-

сальным состоянием. В информации, которую я получил из Нью-Йорка, имелось несколько моментов, которые заставили меня задуматься.

Начнем с того, что молодой Блайбнер говорил о том, что в Египте у него был хороший друг, у которого он сможет занять денег. Все посчитали, что он говорил о своем дяде, но мне показалось, что в этом случае он бы прямо назвал его. Его же слова намекали на какого-то щедрого компаньона. Еще одно – он едва наскреб средств, чтобы добраться до Египта, дядя ему в деньгах отказал, но он тем не менее смог оплатить обратную дорогу до Нью-Йорка. Это значит, что кто-то одолжил ему эти деньги.

– Все это малоубедительно, – возразил я.

– Но было еще кое-что. Знаете, Гастингс, очень часто случается так, что метафорические выражения принимаются людьми за обычные фигуры речи. Но ведь может случиться и обратное. В этом случае простые слова принимают за метафору. Молодой Блайбнер просто написал: «я прокаженный». И никому в голову не пришло, что он застрелился именно потому, что верил, что заразился лепрой.

– Что вы сказали? – воскликнул я.

– Это была очень тонкая уловка дьявольского ума. Молодой Блайбнер страдал от какого-то пустякового кожного заболевания, но он много лет прожил на южных островах, где проказа – обычное дело. Эймс был его старым другом и хорошо известным врачом – Блайбнеру и в голову не пришло

сомневаться в его диагнозе.

Когда мы приехали сюда, под мое подозрение попали Харпер и Эймс, но вскоре я понял, что только доктору было по плечу организовать эти преступления и замести следы. А когда я узнал от Харпера, что врач и раньше знал племянника Блайбнера, то все встало на свои места.

Несомненно, молодой Блайбнер когда-то написал завещание или застраховал свою жизнь в пользу Эймса. И тот увидел свой шанс заполучить богатство. Ему было нетрудно заразить мистера Блайбнера смертельным вирусом. Потом племянник, в отчаянии от тех страшных новостей, которые ему сообщил врач, стреляется. Причем, какими бы ни были намерения старика, завещания он не оставил. И в случае его смерти состояние переходило к племяннику, а от него – к доктору Эймсу.

– А как же мистер Шнайдер?

– Вот здесь точно ничего сказать нельзя. Он тоже знал молодого Блайбнера и мог что-то заподозрить. Или же врач решил, что еще одна немотивированная и бесполезная смерть сможет еще больше усилить суеверия... Более того, Гастингс, могу рассказать вам один интересный психологический факт: убийца всегда испытывает сильное желание повторить свое успешное преступление, и это желание начинает довлеть над ним. Именно поэтому я так боялся за молодого Уилларда.

А Анубисом, которого мы видели сегодня вечером, был

переодевшийся по моей просьбе Хассан. Я хотел проверить, смогу ли испугать врача. Однако для того, чтобы его испугать, понадобилось нечто большее, чем сверхъестественные силы. Я видел, что он не верит моим потугам притвориться адептом оккультизма. Эта маленькая комедия, которую я разыграл специально для него, его не убедила. Подозреваю, что он назначил меня своей следующей жертвой. Но, несмотря на *la mer maudite*⁵, страшную жару и этот надоедливый песок, мои серые клеточки все еще функционируют!

Пуаро оказался абсолютно прав в своих предположениях. Много лет назад молодой Блайбнер, будучи в состоянии подпития, написал шутовское завещание, в котором оставлял «портсигар, который вам так нравится, и все, чем я буду обладать на момент своей смерти» своему «хорошему другу Роберту Эймсу, который однажды спас меня от смерти».

Дело постарались замять настолько, насколько это было возможно, поэтому и сегодня люди продолжают говорить об удивительной серии смертей, связанных с гробницей Менхера как о еще одном доказательстве мести давно почившего фараона осквернителям его гробницы; причем это доказательство, как Пуаро однажды объяснил мне, противоречит всем верованиям и знаниям древних египтян.

⁵ Проклятое море (фр.).

SOS

I

– Ах! – с восхищением воскликнул мистер Динсמיד.

Он отступил назад и окинул круглый стол одобрительным взглядом. Блики огня играли на грубой белой скатерти, ножах, вилках и прочих предметах сервировки.

– Все... все готово? – неуверенно спросила миссис Динсמיד. Это была маленькая увядшая женщина с бесцветным лицом, поредевшими волосами, зачесанными назад, которая вечно нервничала.

– Все готово, – ответил ее муж с каким-то свирепым радушием.

Это был крупный мужчина с сутулыми плечами и широким красным лицом. Маленькие пороссячы глазки сверкали под кустистыми бровями, на большом подбородке отсутствовала растительность.

– Лимонад? – предложила миссис Динсמיד почти шепотом.

Ее супруг покачал головой.

– Чай. Гораздо лучше во всех отношениях. Посмотри на погоду: льет дождь и дует ветер. Хорошая чашечка горячего чая – именно то, что нужно на ужин в такой вечер.

Он шаловливо подмигнул, затем снова принялся рассматривать стол.

– Хорошее блюдо из яиц, холодная отварная солонина, хлеб и сыр. Вот что я хочу на ужин. Иди, мать, и все приготовь. Шарлотта ждет на кухне, чтобы помочь тебе.

Миссис Динсמיד встала и тщательно свернула клубок своего вязанья.

– Шарлотта выросла и стала очень хорошенькой девушкой, – тихо сказала она. – Хорошенькой и милой, я бы сказала.

– А! – произнес мистер Динсמיד. – Точная копия своей мамочки... Ну, иди же, не будем терять время.

Несколько минут он ходил по комнате, напевая себе под нос. Один раз подошел к окну и выглянул наружу.

– Кошмарная погода, – прошептал он. – Не похоже, что сегодня у нас будут гости.

Минут десять спустя миссис Динсמיד вошла с блюдом яичницы. За ней шли две дочери с остальными блюдами. Мистер Динсמיד и его сын Джонни замыкали шествие. Отец уселся во главе стола.

– За хлеб наш насущный и все остальное, и так далее, – шутливо произнес он. – И благословен будь тот, кто придумал консервированные продукты. Что бы мы делали, хотел бы я знать, в такой дали от всего, если бы время от времени не могли вскрыть консервную банку, когда мясник забудет о своем еженедельном визите?

И он начал умело нарезать солонину.

– Интересно, кому пришло в голову построить дом в такой глуши? – с раздражением спросила его дочь Магдалена. – Никогда не видим здесь ни одной живой души.

– Да, – согласился ее отец. – Никогда ни одной души.

– Не представляю себе, что заставило тебя его купить, папа, – сказала Шарлотта.

– Неужели, моя девочка? Ну, у меня были свои причины, свои причины.

Он бросил мимолетный взгляд на жену, но она нахмурилась.

– И к тому же в доме водятся привидения, – продолжала Шарлотта. – Я бы здесь ни за что не осталась ночевать одна.

– Полная ерунда, – ответил отец. – Ты никогда ничего не видела, правда? Брось.

– Может, и не видела, но...

– Но что?

Шарлотта не ответила, но слегка вздрогнула. Сильный порыв ветра с дождем ударил в оконную раму, и миссис Динс-мид со звоном уронила ложку на поднос.

– Что ты нервничаешь, мать? – спросил мистер Динс-мид. – Бурная ночь, вот и все. Не волнуйся, здесь, у камина, нам ничего не угрожает, и вряд ли хоть одна душа нас потревожит. Ну, будет просто чудо, если кто-нибудь явится. А чудес не бывает. Нет, – прибавил он как будто про себя, с каким-то странным удовлетворением. – Чудес не бывает.

Не успели эти слова слететь с его губ, как внезапно раздался стук в дверь. Мистер Динсמיד остолбенел.

– Что это? – пробормотал он. У него отвисла челюсть.

Миссис Динсמיד негромко вскрикнула и поплотнее закуталась в шаль. Румянец разлился по лицу Магдалены, она подалась вперед и сказала отцу:

– Чудо произошло. Лучше тебе пойти и впустить в дом гостя.

II

За двадцать минут до этого Мортимер Кливленд стоял под потоками дождя в тумане и рассматривал свой автомобиль. Что за проклятое невезение! Два прокола за десять минут, и вот он застрял за много миль от любого городка, среди этих голых холмов Уилтшира, надвигается ночь, и никаких надежд найти кров. Поделом ему за то, что пытался срезать путь. Если бы только он поехал по главной дороге... А теперь он заблудился на этом проселке, скорее похожем на колею от повозок, и понятия не имеет, есть ли поблизости хотя бы деревня.

Мортимер озадаченно осмотрелся вокруг, и его глаза уловили проблеск света на склоне холма выше дороги. Через секунду туман снова закрыл его, но, терпеливо подождав, он снова заметил этот проблеск. После недолгого размышления Кливленд оставил свой автомобиль и стал взбираться на холм.

Вскоре он вынырнул из тумана и увидел, что этот свет льется из окошка маленького коттеджа. Там, по крайней мере, можно укрыться от дождя. Мортимер ускорил шаги, пригибая голову под яростными порывами ветра и дождя, которые, казалось, изо всех сил стараются прогнать его назад.

Кливленд был в своем роде знаменитостью, хоть большинство людей никогда не слышали его имени и не знали о его

достижениях. Он считался крупным специалистом в области психологии и написал два отличных учебника о подсознании. Он также являлся членом Психологического научного общества и изучал оккультные явления – в той мере, в какой они соответствовали его выводам и направлению исследований.

Мортимер был по природе до странности чувствителен к окружающей атмосфере и путем целенаправленной тренировки развил свой природный дар. Когда он наконец добрался до коттеджа и постучал в дверь, он ощутил возбуждение и нарастающий интерес, как будто все его способности к восприятию внезапно обострились.

Он ясно слышал голоса в доме. После его стука наступила внезапная тишина, затем скрип о пол отодвигаемого стула. В следующую минуту дверь распахнул мальчик лет пятнадцати. Кливленд посмотрел через его плечо на сцену внутри дома.

Она напомнила ему интерьер с картины одного из старых голландских мастеров. Круглый стол, накрытый к ужину, вокруг сидит семейство, все это освещает пара мигающих свечей и огонь камина. Отец, крупный мужчина, сидит по одну сторону стола, маленькая седая женщина с испуганным лицом – напротив него. Лицом к двери, глядя прямо на Кливленда, сидит девушка. Ее испуганные глаза смотрит прямо на него, рука с чашкой застыла на полпути ко рту.

Кливленд сразу увидел, что это красивая девушка совер-

шенно необычной внешности. Ее волосы, золотисто-рыжие, окружали ее лицо ореолом, подобно туману; глаза, очень широко расставленные, были чистого серого цвета. Ее рот и подбородок были как у мадонны с ранних итальянских картин.

На мгновение воцарилась мертвая тишина. Затем Кливленд вошел в комнату и объяснил, в какое затруднительное положение попал. Он закончил свою банальную историю, и наступило молчание, еще более непонятное. Наконец, словно сделав над собой усилие, отец семейства встал.

– Входите, сэръ, – мистер Кливленд, вы сказали?

– Это мое имя, – с улыбкой подтвердил Мортимер.

– Ах да! Входите, мистер Кливленд. Собачья погода на улице, правда? Пройдите к огню. Закрой же дверь, Джонни, не стой там полночи.

Кливленд прошел вперед и сел на деревянный табурет у огня. Мальчик Джонни закрыл дверь.

– Динсמיד, так меня зовут, – представился хозяин. Теперь он был само радушие. – А это моя хозяйка, а это две моих дочери, Шарлотта и Магдалена.

В первый раз Кливленд увидел лицо девушки, которая сидела спиной к нему, и увидел, что она так же красива, как и ее сестра, но совершенно другой красотой. Очень темные волосы, мраморно-бледное лицо, тонкий нос с горбинкой и серьезный рот. То была какая-то застывшая красота, суровая, почти зловещая. В ответ на представление отца она склонила

голову и посмотрела на него напряженным, ищущим взглядом. Она как будто обобщала его, взвешивала его на весах и выносила свое суждение.

– Выпьете капельку чего-нибудь, а, мистер Кливленд?

– Спасибо, – сказал Мортимер. – Чашка чая меня вполне устроит.

Мистер Динсמיד минутку поколебался, затем взял со стола пять чашек и одну за другой вылил их в миску с помоями.

– Этот чай остыл, – ворчливо пояснил он. – Приготовь нам другой, пожалуйста, мать.

Миссис Динсמיד быстро встала и поспешно вышла с чайником. У Мортимера возникло впечатление, что она рада уйти из комнаты.

Вскоре появился свежий чай, и неожиданного гостя стали усиленно угощать.

Мистер Динсמיד говорил без умолку. Он болтал добродушно и весело и все рассказал о себе незнакомому человеку. Он недавно удалился на покой, а прежде работал в строительном бизнесе, да, и весьма успешно. Они с хозяйкой думали, что им будет полезен воздух деревни, никогда раньше не жили в деревне. Конечно, они выбрали неудачное время года, октябрь и ноябрь, но им не хотелось ждать. «Жизнь – штука ненадежная, знаете ли». Поэтому они купили этот коттедж. Восемь миль до ближайшего жилья и девятнадцать миль до любого городка. Нет, они не жалуется. Девочкам немного скучно, но они с матерью наслаждаются

тишиной.

Так он говорил, почти загипнотизировав Мортимера непрерывным потоком слов. Конечно, здесь нет ничего, кроме довольно распространенной любви к домашнему уюту. И все-таки при первом взгляде на интерьер он уловил что-то еще, какое-то напряжение, какую-то натянутость, исходящую от одного из этих пятерых, только он не понял, от кого. Просто глупо, его нервы совсем расшатались! Они все были поражены его внезапным появлением, вот и все.

Мортимер задал вопрос о ночлеге и получил радушное приглашение.

– Вам придется остаться у нас, мистер Кливленд. На многие мили вокруг нет других домов. Мы предоставим вам спальню, и хотя моя пижама может оказаться немного просторной для вас, это все же лучше, чем ничего, а ваша одежда к утру высохнет.

– Вы очень добры.

– Не стоит благодарности, – добродушно ответил хозяин. – Как я уже только что сказал, в такую ночь и плохой хозяин собаку на двор не выгонит. Магдалена, Шарлотта, идите наверх и займитесь комнатой.

Девушки покинули комнату. Вскоре Мортимер услышал их шаги где-то над головой.

– Вполне могу понять, что двум таким привлекательным юным леди, как ваши дочери, может быть здесь скучно, – заметил Кливленд.

– Хорошенькие, правда? – с отцовской гордостью спросил мистер Динсמיד. – Не слишком похожи на мать и на меня самого. Мы – скромная пара, но очень привязаны друг к другу. За это я вам ручаюсь, мистер Кливленд. Мэгги, разве не так?

Миссис Динсמיד чопорно улыбнулась. Она снова начала вязать. Деловито позвякивали спицы. Вязала она очень быстро.

Вскоре комната была готова, и Мортимер, еще раз поблагодарив, объявил о своем намерении пойти спать.

– Вы положили в постель бутылку с горячей водой? – спросила миссис Динсמיד, внезапно вспомнив об обязанностях гостеприимной хозяйки.

– Да, мама, две.

– Правильно, – одобрил Динсמיד. – Проводите гостя наверх, девочки, и узнайте, не нужно ли ему еще что-нибудь.

Магдалена подошла к окну и проверила, надежно ли оно заперто. Шарлотта окинула последним взглядом столик с принадлежностями для умывания. Потом они обе задержались у двери.

– Спокойной ночи, мистер Кливленд. Вы уверены, что у вас есть все, что нужно?

– Да, благодарю вас, мисс Магдалена. Мне очень неловко, что я доставил вам столько хлопот. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Они вышли, закрыв за собой дверь. Мортимер Кливленд остался один. Он медленно и задумчиво разделся. Надев

розовую пижаму мистера Динсмида, собрал свою мокрую одежду и положил ее за дверь, как велел хозяин. Снизу доносился рокот голоса Динсмида.

До чего же болтлив этот человек! Очень странная личность. Есть что-то странное во всей их семье, или это просто игра его воображения?

Мортимер медленно вернулся обратно в комнату и закрыл дверь. В задумчивости постоял у кровати. А потом вздрогнул...

Столик из красного дерева у кровати был покрыт слоем пыли. И на ней явственно выделялись три буквы: «SOS».

Мортимер уставился на них, не веря своим глазам. Он получил подтверждение всех его смутных подозрений и предчувствий. Значит, он прав. Что-то в этом доме неладно.

«SOS». Крик о помощи. Но чей палец вывел его в пыли? Магдалены или Шарлотты? Они обе задержались там, вспомнил он, на пару секунд, перед выходом из комнаты. Чья рука тайком опустилась к столику и нарисовала три эти буквы?

Лица обеих девушек появились перед его внутренним взором. Лицо Магдалены, смуглое и отрешенное, и лицо Шарлотты, каким он его увидел в первый раз, с широко открытыми глазами, испуганное, во взгляде что-то неуловимое...

Он опять подошел к двери и открыл ее. Гулкового голоса мистера Динсмида больше не было слышно. В доме стояла

тишина.

«Сегодня я ничего не могу сделать, – подумал он. – Завтра... Ну, завтра посмотрим».

III

Кливленд проснулся рано. Спустился вниз, прошел через гостиную и вышел в сад. Утро было свежее и прекрасное после дождя. Не он один встал рано. В глубине сада стояла Шарлотта, прислонившись к ограде, и смотрела на холмы. Его сердце забилося чуть быстрее, когда он спустился вниз и подошел к ней. Все это время Мортимер был втайне убежден, что именно Шарлотта оставила ему то послание. Когда он подошел к ней, она обернулась и поздоровалась с ним.

– Доброе утро.

Ее взгляд был по-детски открытым, ни намека на какую-то тайну.

– Очень доброе утро, – с улыбкой отозвался Мортимер. – Погода сегодня утром совсем не похожа на вчерашнюю.

– Действительно.

Мортимер сломал веточку с ближайшего дерева и начал небрежно рисовать на гладком песке у своих ног. Он вывел букву «S», затем «O» и снова «S», пристально наблюдая в это время за девушкой. Но опять не смог заметить ни проблеска понимания.

– Вы знаете, что означают эти буквы? – внезапно спросил он.

Шарлотта слегка нахмурилась.

– Разве не эти буквы посылают корабли... лайнеры, когда

терпят бедствие? – спросила она.

Мортимер кивнул.

– Кто-то написал их на столике у моей кровати вчера ночью, – тихо произнес он. – Я подумал, что, возможно, это сделали вы.

Она посмотрела на него, широко раскрыв от изумления глаза.

– Я? О нет.

Значит, ошибся. Резкий укол разочарования пронзил Мортимера. Он был так уверен, так уверен... Его не часто подводила интуиция.

– Вы совершенно в этом уверены? – настаивал он.

– О да.

Они медленно пошли вместе к дому. Казалось, мысли Шарлотты чем-то заняты. Девушка отвечала невпопад на те немногие замечания, которые он делал. Неожиданно она выпалила, тихо и поспешно:

– Странно, странно, что вы спросили меня об этих буквах, «SOS». Я их не писала, конечно, но... легко могла бы написать.

Кливленд остановился и посмотрел на нее, а она быстро продолжала:

– Я понимаю, это звучит глупо, но я так напугана, так смертельно напугана, и когда вы вошли вчера ночью, мне показалось, что это ответ на что-то.

– Чем вы напуганы? – быстро спросил он.

– Не знаю.

– Вы не знаете?

– Я думаю, это дом. С тех самых пор, как мы переехали сюда, этот страх все растет. Все кажется другим. Отец, мать, Магдалена – все они кажутся другими.

Мортимер ответил не сразу, и не успел он открыть рот, как Шарлотта снова заговорила:

– Вы знаете, говорят, в этом доме водятся привидения.

– Что? – Ему стало еще интереснее.

– Да, здесь один мужчина убил свою жену... о, это было много лет назад. Мы узнали об этом только после того, как переехали сюда. Отец говорит, что привидения – это вздор, а я... я не знаю.

Мортимер стал быстро соображать.

– Скажите, – деловито произнес он, – это убийство было совершено в той комнате, в которой я ночевал?

– Я ничего об этом не знаю, – ответила Шарлотта.

– Интересно, – Мортимер почти обращался к самому себе, – да, это возможно.

Шарлотта непонимающе смотрела на него.

– Мисс Динсвид, – мягко обратился к ней Мортимер, – у вас когда-нибудь были причины подозревать в себе способности медиума?

Она удивленно смотрела на него.

– Понимаете, я думаю, что именно вы написали вчера ночью «SOS», – тихо сказал он. – О, совершенно неосознанно,

разумеется. Преступление загрязняет атмосферу, так сказать. Такой чувствительный мозг, как ваш, мог таким образом подвергнуться влиянию. Вы воспроизводили ощущения и впечатления жертвы. Много лет назад она, возможно, написала на столе «SOS», а вы неосознанно повторили ее действия вчера ночью.

Лицо Шарлотты прояснилось.

– Понимаю, – сказала она. – Вы думаете, этим все объясняется?

Чей-то голос позвал ее из дома, и девушка ушла, оставив Мортимера мерить шагами садовую дорожку. Был ли он удовлетворен собственным объяснением? Объясняло ли оно все факты, которые он знал? Объясняло ли оно то напряжение, которое он ощутил, когда вошел в дом вчера вечером?

Может быть, но все же у него тогда возникло это странное чувство, что его внезапное появление заставило их застыть от ужаса. Он подумал: «Я не должен увлекаться психологическими объяснениями, они, возможно, годятся для Шарлотты, но не для остальных. Мое появление ужасно их напугало, всех, кроме Джонни. В чем бы ни было дело, Джонни тут ни при чем».

Мортимер был в этом совершенно уверен; как ни странно, он точно знал, что это так.

В эту минуту сам Джонни вышел из коттеджа и подошел к гостю.

– Завтрак готов, – застенчиво объявил он. – Прошу вас в

дом.

Мортимер заметил, что пальцы парня покрыты какими-то пятнами. Джонни почувствовал его взгляд и грустно рассмеялся.

– Я вечно вожусь с химикатами, знаете ли, – объяснил он. – Папу иногда это приводит в ярость. Он хочет, чтобы я стал строителем, а я хочу заниматься химией и научными исследованиями.

Мистер Динсמיד появился в стеклянной двери перед ними, широкий, оживленный, улыбающийся, и при виде него в Мортимере снова проснулись прежнее недоверие и антагонизм. Миссис Динсמיד уже сидела за столом. Она поздоровалась с ним своим бесцветным голосом, и у него опять возникло впечатление, что она почему-то боится его.

Магдалена пришла последней. Она коротко кивнула Кливленду и села за стол напротив него.

– Вы хорошо спали? – внезапно спросила она. – У вас была удобная кровать?

Она смотрела на него очень серьезно, и когда Мортимер учтиво ответил ей утвердительно, то заметил промелькнувшее на ее лице выражение разочарования. Интересно, что она ожидала услышать, удивился он.

Кливленд повернулся к хозяину и любезно спросил:

– Кажется, ваш парень интересуется химией?

Раздался грохот. Миссис Динсמיד уронила чашку с чаем.

– Ну-ну, Мэгги, что это ты? – сказал ей муж.

Мортимеру показалось, что в голосе Динсмида прозвучал укор и предостережение. Он повернулся к гостю и начал непринужденно говорить о преимуществах строительного бизнеса и о том, что не следует давать мальчикам слишком много воли.

После завтрака Кливленд вышел в сад и курил в одиночестве. Было ясно, что приближается момент, когда он должен покинуть коттедж. Получить кров на ночь – это одно, продлить свое пребывание здесь без веской причины будет трудно, а какую причину он мог выдвинуть? И все же ему почему-то очень не хотелось уезжать.

Обдумывая ситуацию снова и снова, он пошел по дорожке, идущей вокруг дома. На нем были туфли на рифленой резиновой подошве, и Мортимер шагал практически бесшумно. Он как раз шел мимо окна кухни, когда услышал слова Динсмида, которые сразу же привлекли его внимание.

– Это огромные деньги, огромные.

Ему ответил голос миссис Динсмид. Он звучал слишком слабо, и Мортимер не разобрал слов, но Динсмид ответил:

– Почти шестьдесят тысяч фунтов, сказал поверенный.

Мортимер не собирался подслушивать и в задумчивости повернул обратно. Упоминание о деньгах проясняло ситуацию. Каким-то образом стоял вопрос о шестидесяти тысячах фунтов, это делало ситуацию яснее – и безобразнее.

Магдалена вышла из дома, но голос отца почти сразу же позвал ее, и она вернулась в коттедж. Вскоре сам Динсмид

вышел к гостю.

– На редкость славное утро, – добродушно произнес он. – Надеюсь, ваша машина не слишком пострадала.

«Хочет выяснить, когда я уйду», – подумал про себя Мортимер.

А вслух еще раз поблагодарил мистера Динсмида за гостеприимство в трудный для него момент.

– Не стоит благодарности, не стоит благодарности, – ответил тот.

Магдалена и Шарлотта вместе вышли из дома и прошли рука об руку к грубой скамье, стоящей неподалеку. Черно-волосая и золотистая головки вместе составляли приятный контраст, и под влиянием порыва Мортимер сказал:

– Ваши дочери совершенно не похожи друг на друга, мистер Динсמיד.

Рука хозяина, который как раз раскуривал трубку, резко вздрогнула и выронила спичку.

– Вы так думаете? – спросил он. – Ну да, наверное, вы правы.

Мортимера осенила догадка.

– Но, разумеется, не обе они ваши дочери, – непринужденно произнес он.

Он увидел, как Динсמיד взглянул на него, мгновение поколебался, а потом решился.

– Вы очень проникательны, сэр, – ответил он. – Да, одна из них – найденыш, мы взяли ее младенцем и вырастили

как собственную дочь. Сама она об этом ничего не знает, но вскоре ей предстоит это узнать. – Он вздохнул.

– Вопрос о наследстве? – спокойно высказал предположение Мортимер.

Собеседник бросил на него подозрительный взгляд.

Затем он, по-видимому, решил, что лучше всего быть откровенным, и заговорил, почти агрессивно и открыто:

– Странно, что вы это сказали, сэр.

– Случай телепатии, а? – улыбнулся Мортимер.

– Дело вот в чем, сэр. Мы взяли ее к себе, чтобы выручить мать – за вознаграждение, так как в то время я только начал свой строительный бизнес. Несколько лет назад я заметил в газете объявление, и мне показалось, что ребенок, о котором там говорилось, – это наша Магдалена. Я пошел к поверенным, и мы с ними много беседовали, обо всем. Они отнеслись ко мне с подозрением, это естественно, но сейчас все прояснилось. Я сам отвезу девочку в Лондон на следующей неделе, пока она ничего об этом не знает. Ее отец, по-видимому, был богатым еврейским джентльменом. Он узнал о существовании ребенка всего за несколько месяцев до своей смерти. Он нанял агентов, чтобы они нашли ее, и оставил ей все свои деньги, если ее найдут.

Мортимер слушал с пристальным вниманием. У него не было причин сомневаться в истории мистера Динсмида. Это объясняло смуглую красоту Магдалены и также объясняло, возможно, ее отчужденность. Тем не менее, хотя сама исто-

рия могла быть правдой, хозяин что-то недоговаривал.

Но Мортимер не собирался вызывать подозрения у своего хозяина. Наоборот, ему следует уйти с дороги и успокоить их.

– Очень интересная история, мистер Динсמיד, – сказал он. – Мои поздравления мисс Магдалене. Наследница и красавица, перед ней большое будущее.

– Это правда, – с чувством согласился ее отец, – и к тому же она на редкость добрая девочка, мистер Кливленд.

Вся его фигура дышала сердечностью и теплотой.

– Ну, – произнес Мортимер, – полагаю, теперь мне нужно идти. Должен еще раз поблагодарить вас, мистер Динсמיד, за ваше исключительно своевременное гостеприимство.

В сопровождении хозяина он прошел в дом, чтобы попрощаться с миссис Динсמיד. Она стояла у окна спиной к ним и не слышала, как они вошли. В ответ на оживленное восклицание мужа «вот, мистер Кливленд пришел проститься с тобой» она нервно вздрогнула и резко обернулась, уронив то, что держала в руке. Мортимер поднял этот предмет и подал ей. Это был миниатюрный портрет Шарлотты, выполненный в стиле двадцатипятилетней давности. Мортимер повторил ей слова благодарности, которые уже сказал ее мужу. Он снова заметил страх во взглядах, которые она украдкой бросала на него из-под ресниц.

Обеих девушек не было видно, но в планы Мортимера не входило настаивать на том, чтобы их повидать. И у него была

на этот счет своя догадка, которая вскоре подтвердилась.

Он прошел примерно полмили от дома, спускаясь к тому месту, где оставил машину вчера ночью, когда кусты возле тропинки раздвинулись и на дорогу впереди вышла Магдалена.

– Я должна была вас увидеть, – произнесла она.

– Я вас ждал, – ответил Мортимер. – Ведь это вы написали «SOS» на столике в моей комнате вчера ночью, правда?

Магдалена кивнула.

– Почему? – мягко спросил Мортимер.

Девушка отвернулась и начала обрывать листья с куста.

– Не знаю, – сказала она, – честно, я не знаю.

– Расскажите мне, – попросил Мортимер.

Магдалена глубоко вздохнула.

– Я – человек практичный, – сказала она, – не такой, который воображает себе что-то или придумывает. Вы, я знаю, верите в привидения и духов. Я не верю, и когда я говорю, что с этим домом что-то не так, – она показала рукой на холм, – я имею в виду, что там есть что-то осязаемо плохое, а не просто эхо прошлого. Это началось, когда мы здесь поселились. С каждым днем становится все хуже: отец стал другим, мама стала другой, Шарлотта стала другой...

– А Джонни стал другим? – прервал ее Мортимер.

Магдалена посмотрела на него, в ее глазах забрезжило понимание.

– Нет, – ответила она, – я только что это поняла. Джон-

ни не стал другим. Он единственный, кого это не коснулось. Вчера вечером, за чаем, он был прежним.

– А вы? – спросил Мортимер.

– Я боялась... ужасно боялась, просто как ребенок, только я не знала, чего боюсь. А отец вел себя... странно, это нельзя назвать по-другому, странно. Он говорил о чудесах, а я молилась, действительно молилась, чтобы произошло чудо, и тут вы постучали в дверь.

Она вдруг замолчала, глядя на него.

– Наверное, я вам кажусь сумасшедшей, – с вызовом произнесла она.

– Нет, – ответил Мортимер, – напротив, вы выглядите совершенно нормальной. Все нормальные люди предчувствуют опасность, когда она близка.

– Вы не понимаете, – возразила Магдалена. – Я боялась... не за себя.

– А за кого тогда?

Но Магдалена снова покачала головой с озадаченным видом.

– Я не знаю. Я написала «SOS» под влиянием порыва. Мне показалось – это абсурд, несомненно, – что они не позволят мне поговорить с вами, – все остальные, я хочу сказать. Не знаю, о чем я собиралась вас попросить. И сейчас не знаю.

– Неважно, – ответил Мортимер. – Я это сделаю.

– Что вы можете сделать?

Кливленд слегка улыбнулся.

– Я могу подумать.

Она с сомнением смотрела на него.

– Да, – сказал Мортимер, – многого можно этим добиться, больше, чем вы думаете. Скажите мне, было ли сказано какое-то слово или фраза, которая привлекла ваше внимание перед ужином вчера вечером?

Магладена нахмурилась.

– Не думаю. По крайней мере, я слышала, как папа сказал что-то маме насчет того, что Шарлотта как две капли воды похожа на нее, и рассмеялся очень странно... Но ведь в этом нет ничего странного, не так ли?

– Нет, – медленно произнес Мортимер, – не считая того, что Шарлотта не похожа на вашу мать.

На минуту-другую он глубоко задумался, потом поднял взгляд и увидел, что Магдалена с сомнением смотрит на него.

– Идите домой, девочка, – сказал он, – и не тревожьтесь; предоставьте все мне.

Она послушно пошла по тропинке к коттеджу. Мортимер прошел чуть дальше, потом упал на зеленый дерн. Закрыв глаза, выбросил из головы все сознательные мысли, все усилия, и серия картинок замелькала в его мозгу.

Джонни! Он все время возвращался к Джонни. Джонни, совершенно невинный, полностью свободный от сети подозрений и интриг, но тем не менее вокруг него все вращалось. Он вспомнил, как разбилась чашка с блюдцем в руках мис-

сис Динсמיד за завтраком сегодня утром. Что ее так взволновало? Случайно упомянутое им увлечение парня химикатами? В тот момент он не обратил внимания на мистера Динсмид, но теперь ясно увидел его, как он застыл с поднесенной ко рту чашкой.

Это вернуло его снова к Шарлотте, такой, какой он увидел ее, когда вчера ночью открылась дверь. Она сидела и смотрела на него поверх чашки с чаем. И за этим воспоминанием быстро последовало другое: мистер Динсמיד выливает чай поочередно из каждой чашки и говорит: «Этот чай остыл».

Он вспомнил поднимающийся над ними пар. Тот чай наверняка не был очень холодным.

Что-то шевельнулось в его мозгу. Воспоминание о том, что он не так давно читал – может быть, месяц назад. Какой-то рассказ о целой семье, которая отравилась из-за небрежности мальчика. Пакетик мышьяка, оставленный в кладовке, который просыпался на лежавший внизу хлеб... Он читал об этом в газете. Вероятно, мистер Динсמיד тоже его читал.

Ситуация начала проясняться...

Через полчаса Мортимер Кливленд быстро вскочил на ноги.

IV

Снова вечер в коттедже. Сегодня на ужин были яйца-пашот и банка консервированной свинины. Вскоре с кухни пришла миссис Динсמיד с большим чайником чая. Семья заняла свои места вокруг стола.

– Совсем не такая погода, как вчера вечером, – произнесла миссис Динсמיד, бросив взгляд в окно.

– Да, – согласился мистер Динсמיד, – сегодня так тихо, что слышно, как муха пролетит. А теперь, мать, разлей чай, пожалуйста.

Миссис Динсמיד наполнила чашки и передала их сидящим за столом. Затем, когда она уже поставила чайник на стол, она внезапно негромко вскрикнула и прижала руку к сердцу. Мистер Динсמיד повернулся вместе со стулом, следуя взгляду ее испуганных глаз. В дверях стоял Мортимер Кливленд.

Он прошел вперед, держась любезно и извиняясь.

– Боюсь, я вас напугал, – сказал он. – Мне пришлось кое за чем вернуться.

– Кое за чем вернуться! – воскликнул мистер Динсמיד. Лицо его побагровело, вены вздулись. – За чем, хотел бы я знать?

– За чаем, – ответил Мортимер.

Быстрым жестом он достал что-то из кармана, взял со сто-

ла одну из чашек и вылил ее содержимое в маленькую пробирку, которую держал в левой руке.

– Что... что вы делаете? – ахнул мистер Динсמיד. Его лицо стало белым как мел, краска исчезла с него, как по волшебству. Миссис Динсמיד издала тонкий, испуганный визг.

– Я думаю, вы читаете газеты, мистер Динсמיד? Уверен, читаете. Иногда попадаются на глаза статьи о том, как отравилась целая семья, некоторые выздоровели, некоторые – нет. В этом случае один человек не выжил бы. Первыми под подозрение попали бы консервы из свинины, которые вы ели, но, допустим, доктор оказался бы подозрительным человеком, и его не убедила бы теория испорченных консервов. У вас в кладовой лежит пакетик с мышьяком. На полке под ним лежит пакет с чаем. В верхней полке имеется удобная дырочка, и совершенно естественно предположить, что мышьяк попал в чай случайно. Вашего сына Джонни могли обвинить в небрежности, не более того.

– Я... я не понимаю, что вы имеете в виду, – прохрипел Динсמיד.

– Думаю, понимаете. – Мортимер взял вторую чашку с чаем и наполнил вторую пробирку. К одной пробирке он приклеил красный ярлык, к другой – синий.

– Пробирка с красным ярлыком содержит чай из чашки вашей дочери Шарлотты, – сообщил он, – а вторая – из чашки вашей дочери Магдалены. Я готов поклясться, что в первой я найду мышьяка в четыре или в пять раз больше, чем

во второй.

– Вы сошли с ума, – сказал Динсמיד.

– О, слава богу, нет. Ничего подобного. Вы сказали мне сегодня, мистер Динсמיד, что Магдалена – ваша родная дочь. Шарлотта – девочка, которую вы удочерили, ребенок, так похожий на свою мать, что, держа сегодня в руке миниатюру этой матери, я ошибочно принял ее за портрет самой Шарлотты. Ваша родная дочь должна была унаследовать состояние, и так как было бы невозможно скрыть от посторонних глаз вашу дочь Шарлотту и кто-нибудь, кто знал ее мать, мог раскрыть правду такого сходства, вы решили использовать... щепотку белого мышьяка на дне чашки с чаем.

Внезапно миссис Динсמיד тонко рассмеялась, раскачиваясь из стороны в сторону в приступе истерики.

– Чай, – пропищала она, – так он сказал, чай, а не лимонад.

– Придержи язык! – зарычал в гневе ее муж.

Мортимер увидел, что Шарлотта смотрит на него через стол своими широко открытыми, удивленными глазами. Потом он почувствовал на своем плече ладонь, и Магдалена потянула его за собой подальше, где их никто не слышал.

– Эти пробирки, – она указала на них. – Папа. Вы ведь не...

Мортимер положил свою руку ей на плечо.

– Дитя мое, – произнес он, – вы не верите в прошлое. Я верю. Я верю в атмосферу этого дома. Если бы ваш отец не переехал в него, возможно – я говорю, *возможно*, – у него

бы не зародился такой план. Я сохраню эти пробирки, чтобы обезопасить Шарлотту сейчас и в будущем. Кроме этого, я ничего не стану делать – в благодарность, если хотите, той руке, которая написала «SOS».

Четвертый человек

Каноник Парфитт немного запыхался. Человек в его возрасте уже не в силах бегать за поездом. Во-первых, фигура у него уже не та, что была, и с утратой стройности он все чаще начинал задыхаться. По этому поводу сам каноник всегда с достоинством замечал: «Сердце, знаете ли!»

Он со вздохом облегчения уселся в углу вагона первого класса. Тепло натопленного вагона доставляло ему большое удовольствие. За окнами падал снег. Удачно, что ему досталось место в уголке для этого долгого ночного путешествия. Иначе ехать было бы очень неудобно. В этом поезде следовало предусмотреть спальный вагон.

Три других угла были уже заняты, и, окидывая взглядом попутчиков, каноник Парфитт увидел, что мужчина в дальнем углу приветливо улыбается ему, как знакомому. Это был чисто выбритый мужчина с насмешливым лицом и слегка поседевшими на висках волосами. Его профессия юриста была настолько очевидна, что никто в ней не усомнился бы ни на секунду. Сэр Джордж Дюран был действительно очень известным адвокатом.

– Ну, Парфитт, – добродушно заметил он, – вам пришлось бежать, не так ли?

– Боюсь, это очень вредно для моего сердца, – сказал каноник. – Какое совпадение, что я вас здесь встретил, сэр

Джордж. Вы едете далеко на север?

– В Ньюкасл, – лаконично ответил сэр Джордж и прибавил: – Между прочим, вы знакомы с доктором Кэмпбеллом Кларком?

Мужчина, сидящий на той же стороне вагона, что и каноник, приветливо кивнул ему.

– Мы встретились на платформе, – продолжал адвокат. – Еще одно совпадение.

Каноник Парфитт с большим интересом посмотрел на доктора Кэмпбелла Кларка. Ему часто доводилось слышать это имя. Доктор Кларк прославился как терапевт и психиатр, а его последняя книга «Проблемы бессознательного» стала самой обсуждаемой книгой года.

Каноник Парфитт увидел квадратную челюсть, очень спокойные голубые глаза и рыжеватые волосы, еще не тронутые сединой, но быстро редеющие. И еще у него возникло впечатление, что перед ним очень сильная личность.

По совершенно естественной ассоциации каноник посмотрел на место прямо напротив своего, почти ожидая и оттуда встретить узнающий взгляд, но четвертый пассажир оказался совершенно ему незнакомым – он показался канонику иностранцем. Это был не очень крупный, смуглый мужчина довольно непримечательной внешности. Он съезжился под большим пальто и, казалось, крепко спал.

– Каноник Парфитт из Брэдчестера? – приятным голосом осведомился доктор Кэмпбелл Кларк.

Каноник выглядел польщенным. Его «научные проповеди» действительно пользовались большим успехом, особенно после того, как о них рассказали в прессе. Ну что ж, именно в этом нуждается церковь – в добротном, злободневном материале.

– Я с большим интересом прочел вашу книгу, доктор Кларк, – сказал он. – Хотя она местами немного трудновата для моего понимания.

Тут вмешался Дюран.

– Что вы предпочитаете – побеседовать или поспать, каноник? – спросил он. – Признаюсь сразу же, что страдаю бессонницей, и поэтому я за то, чтобы побеседовать.

– О! Конечно. Несомненно, – ответил каноник. – Я редко сплю в этих ночных поездках, а книга, которую я взял с собой, очень скучная.

– По крайней мере, у нас весьма представительная компания, – с улыбкой заметил доктор. – Церковь, Закон и Медицина.

– Не так много существует тем, по которым мы не могли бы высказать свое мнение, а? – рассмеялся Дюран. – Церковь – с точки зрения духовности, я – с чисто светской и юридической, а у вас, доктор, самая широкая область, от чисто патологической до психологической! Мы втроем можем высказать исчерпывающее суждение по любому предмету, как мне кажется.

– Не столь исчерпывающее, как вам кажется, – возразил

доктор Кларк. – Существует другая точка зрения, которую вы не учли, и очень важная.

– А именно? – спросил адвокат.

– Точка зрения Человека с Улицы.

– Разве она так важна? Разве Человек с Улицы обычно не бывает не прав?

– О, почти всегда. Но у него есть то, чего не хватает всем экспертам, – своя собственная точка зрения. В конце концов, знаете, невозможно уйти от личных взаимоотношений. Я столкнулся с этим в моей профессии. На каждого по-настоящему больного пациента, который ко мне обращается, приходится по крайней мере пятеро, у которых нет никакого недуга, кроме неумения ужиться с обитателями своего дома. Они называют свой недуг как угодно – от воспаления коленной чашечки до писчей судороги, – но суть одна и та же: воспаление от трения о чужую психику.

– Наверное, у вас много пациентов с «нервами», – с пренебрежением заметил каноник. У него-то самого нервы были отличные.

– А что вы под этим подразумеваете? – Собеседник стремительно повернулся к нему. – Нервы! Люди произносят это слово, а потом смеются, как это сделали вы. «У такого-то все в порядке, – говорят они. – Просто нервы». Но, боже правый, в этом-то вся суть! Можно понять любой телесный недуг и вылечить его. Но в настоящий момент мы знаем о скрытых причинах сотен нервных заболеваний не намного больше,

чем знали, скажем, во времена королевы Елизаветы!

– Господи, – произнес каноник Парфитт, немного растерявшись от этого наскока. – Неужели это правда?

– Учтите, мы все же продвинулись в наших познаниях, – продолжал доктор Кэмпбелл Кларк. – В прежние времена мы считали человека просто животным, имеющим тело и душу, причем главная роль отводилась первому.

– Тело, душу и дух, – мягко поправил его каноник.

– Дух? – Медик странно улыбнулся. – Что вы, священнослужители, понимаете под «духом»? Знаете, вы всегда весьма неясно его определяли. Все прошлые века вы избегали давать точное определение.

Каноник прочистил горло, готовясь произнести речь, но, к его огорчению, ему такой возможности не дали. Доктор продолжал:

– И уверены ли мы, что это слово – «дух»? Возможно, это «духи»?

– «Духи»? – переспросил сэр Джордж Дюран, насмешливо подняв брови.

– Да. – Кэмпбелл Кларк перевел на него взгляд, наклонился вперед и легонько постучал его пальцем по груди. – Вы так уверены, – мрачно спросил он, – что в этом каркасе всего один обитатель? Ибо это всего лишь каркас – жилые апартаменты, которые сдаются внаем с полной меблировкой на семь лет, на двадцать один, сорок один, семьдесят один год – как повезет! И в конце срока жилец постепенно вывезет свои

вещи, а потом и сам уедет из дома, и тогда дом разрушится, станет гниющими развалинами. Вы хозяин этого дома, это следует признать, но разве вы никогда не ощущали присутствия в нем других – бесшумно спящих слуг, которых почти никогда не замечают, только во время выполнения ими работы, той работы, о которой вы и не подозреваете? А может, это друзья, настроения, которые овладевают вами и делают вас на время «другим человеком», как принято выражаться? Вы – король замка, это правда, но будьте уверены, там также живет и «грязный негодяй».

– Мой дорогой Кларк, – протянул адвокат. – Вы меня положительно смущаете. Неужели мой разум и вправду представляет собой поле боя враждующих личностей? Это последнее научное открытие?

Доктор, в свою очередь, пожал плечами.

– Ваше тело, несомненно, поле боя, – сухо ответил он. – Если тело, то почему не разум?

– Очень интересно, – произнес каноник Парфитт. – Ах! Удивительная наука, удивительная наука! – А про себя он подумал: «Я могу сделать из этой идеи очень интересную проповедь».

Но доктор Кэмпбелл Кларк откинулся на спинку сиденья, его временное возбуждение иссякло.

– Между прочим, – заметил он сухим тоном профессионала, – именно случай раздвоения личности заставил меня поехать в Ньюкасл сегодня ночью. Очень интересный слу-

чай. Случай невроза, несомненно. Но вполне подлинный.

– Раздвоение личности, – задумчиво произнес сэр Джордж Дюран. – Это не так уж редко встречается, как мне кажется. И потеря памяти тоже, правда? Я знаю, что подобное дело рассматривалось недавно в суде по делам о наследстве.

Доктор Кларк кивнул.

– Конечно, классический случай, – сказал он, – это случай Фелисии Болт. Может быть, вы о нем слышали?

– Конечно, – ответил каноник Парфитт. – Я помню, что читал о нем в газетах, но уже довольно давно – по крайней мере, семь лет назад.

Доктор Кэмпбелл Кларк кивнул головой.

– Эта девушка прославилась на всю Францию. Ученые всего мира приезжали посмотреть на нее. В ней уживались по крайней мере четыре разные личности. Их называли Фелисия 1, Фелисия 2, Фелисия 3 и так далее.

– Разве там не подозревали намеренного надувательства? – настороженно спросил сэр Джордж.

– Личности Фелисии 3 и Фелисии 4 вызывали некоторое сомнение, – признал доктор. – Но основные факты остаются. Фелисия Болт была крестьянской девушкой из Бретани. Она была третьим ребенком из пяти в семье, дочь отца-пьянчуги и умственно отсталой матери. Во время одного из заповев отец задушил мать и, если я правильно помню, был приговорен к пожизненному заключению. Тогда Фелисии было

пять лет. Какие-то добрые люди заинтересовались ребенком, и Фелисию вырастила и воспитала незамужняя англичанка, которая содержала нечто вроде приюта для брошенных детей. Однако с Фелисией ее постигла почти полная неудача. Она описывает девушку как неестественно отсталую и тупую; ее с огромным трудом удалось научить читать и писать, а руки у нее были неуклюжими. Эта дама, мисс Слейтер, пыталась приспособить девушку к роли домашней прислуги, и даже нашла для нее несколько рабочих мест, когда та стала достаточно взрослой. Но она нигде не задерживалась надолго из-за своей тупости и крайней лени.

Доктор на минуту замолчал, а каноник, перекладывая одну ногу на другую и поплотнее укутываясь в дорожный плед, внезапно заметил, как сидящий напротив него мужчина слегка шевельнулся. Его глаза, раньше закрытые, теперь были открыты, и что-то в них поразило достойного каноника – что-то насмешливое и трудно поддающееся определению. Похоже, этот человек слушал и втайне потешался над тем, что слышал.

– Есть фотография Фелисии Болт, сделанная в то время, когда ей было семнадцать лет, – продолжал доктор. – На ней она выглядит нескладной крестьянской девушкой крепкого телосложения. Ничто на этом снимке не указывает на то, что скоро она станет одной из самых известных персон во Франции.

Пять лет спустя, когда Фелисии Болт было двадцать два

года, у нее случилось сильное нервное заболевание, а после выздоровления начались странные явления. Вот факты, засвидетельствованные многими видными специалистами. Личность по имени Фелисия 1 ничем не отличалась от Фелисии Болт, какой она была все двадцать два года жизни. Фелисия 1 плохо и неуверенно писала по-французски, не говорила на иностранных языках и не умела играть на пианино. Фелисия 2, напротив, бегло говорила по-итальянски и довольно хорошо – по-немецки. Ее почерк был совершенно не похож на почерк Фелисии 1, и она свободно и выразительно писала по-французски. Она могла обсуждать политику и искусство и страстно увлекалась игрой на фортепьяно. Фелисия 3 имела много общего с Фелисией 2. Она была умна и хорошо образована, но с точки зрения морального облика представляла полную ей противоположность. Она даже казалась совершенно развратным созданием, но ее развращенность была характерна для парижанки, а не для провинциалки. Она знала весь парижский жаргон и выражения шикарного полусвета. Ее речь была усыпана ругательствами, и она поносила религию и так называемых «добродетельных людей» самыми последними словами. Наконец, существовала Фелисия 4 – мечтательное, почти слабоумное создание, явно набожное и якобы имеющее дар ясновидения; но эта четвертая личность проявлялась слабо, была почти неуловимой, и иногда ее считали намеренным обманом со стороны Фелисии 3, чем-то вроде розыгрыша для доверчивой публи-

ки. Могут сказать, что каждая из этих личностей (возможно, за исключением Фелисии 4) была отчетливо выраженной и независимой и не знала о существовании других. Фелисия 2, несомненно, доминировала и иногда сохранялась в течение двух недель подряд; затем внезапно появлялась Фелисия 1 на день или два. После этого, возможно, – Фелисия 3 или 4, но две последние редко владели телом больше нескольких часов. Каждая перемена сопровождалась сильной головной болью и глубоким сном, и в каждом случае наблюдалась полная потеря памяти о других состояниях; каждая личность возвращалась в тот момент жизни, когда покинула ее, и ничего не знала о том, что происходило во время ее отсутствия.

– Поразительно, – прошептал каноник. – Совершенно поразительно. Мы пока почти ничего не знаем о чудесах Вселенной.

– Мы знаем, что в ней существуют очень ловкие жулики, – сухо заметил адвокат.

– Дело Фелисии Болт изучали юристы наряду с медиками и учеными, – быстро возразил доктор Кэмпбелл Кларк. – Мэтр Кимбельер, как вы помните, провел самое тщательное расследование и подтвердил мнение ученых. И, в конце концов, почему это должно нас так удивлять? Нам ведь попадаются яйца с двумя желтками? И бананы-близнецы? Почему не двойная душа в одном теле?

– Двойная душа? – запротестовал каноник.

Доктор Кэмпбелл Кларк обратил на него взгляд своих

пронзительных голубых глаз.

– Как еще это можно назвать? То есть если личность и есть душа?

– Хорошо, что подобные отклонения характерны лишь для «психов», – заметил сэр Джордж. – Если бы такие случаи встречались повсеместно, это породило бы большие сложности.

– Такое отклонение, конечно, совершенно необычно, – согласился доктор. – Очень жаль, что нельзя было изучать его подольше, но всему этому положила конец внезапная смерть Фелисии.

– В ней было нечто странное, если я правильно помню, – медленно произнес адвокат.

Доктор Кэмпбелл кивнул.

– Совершенно необъяснимый случай. Девушку однажды утром нашли мертвой в постели. Ее явно задушили. Но, ко всеобщему изумлению, вскоре было доказано, что она задушила себя сама. Следы на ее шее были отпечатками ее собственных пальцев. Такой способ самоубийства хотя физически не является невозможным, но требует огромной физической силы и почти нечеловеческой силы воли. Что подвигло девушку на такой отчаянный поступок, так и не выяснили. Конечно, ее психическое равновесие всегда было шатким. Но все обстоит именно так. Занавес навсегда опустился над тайной Фелисии Болт.

Именно в этот момент сидящий в дальнем углу человек

рассмеялся.

Остальные трое подскочили, как от выстрела, совершенно забыв о существовании четвертого пассажира. Когда они посмотрели в его сторону, туда, где он сидел, съежившись, в своем пальто, он снова рассмеялся.

– Вы должны меня простить, джентльмены, – произнес незнакомец на безупречном английском языке, но с легким иностранным акцентом.

Он выпрямился, открыв бледное лицо с маленькими, черными как смоль усиками.

– Да, вы должны меня простить, – повторил он с насмешливым поклоном. – Но помилуйте! Бывает ли когда-нибудь сказано последнее слово в науке?

– Вам что-нибудь известно о том случае, который мы обсуждали? – учтиво спросил доктор.

– О том случае? Нет. Но я ее знал.

– Фелисию Болт?

– Да. И Аннет Равель тоже. Вы не слышали об Аннет Равель, я вижу? И все же история одной – это история другой. Поверьте мне, вы ничего не знаете о Фелисии Болт, если не знаете истории Аннет Равель.

Он вытащил часы и посмотрел на них.

– Ровно полчаса до следующей остановки. Я успею рассказать вам эту историю, – конечно, если вы хотите ее услышать.

– Пожалуйста, расскажите нам ее, – тихо попросил док-

тор.

– С удовольствием, – произнес каноник. – С удовольствием.

Сэр Джордж Дюран промолчал, но принял позу внимательного слушателя.

– Меня зовут Рауль Летардо, – начал их странный попутчик. – Вы только что говорили об одной английской даме, мисс Слейтер, которая занималась благотворительностью. Я родился в рыбацкой деревушке в Бретани, и когда мои родители погибли в железнодорожной катастрофе, именно мисс Слейтер пришла на помощь и спасла меня от аналога вашего английского рабочего дома. На ее попечении было около двадцати детей, мальчиков и девочек. Среди этих детей были Фелисия Болт и Аннет Равель. Если я не смогу заставить вас понять личность Аннет, джентльмены, то вы ничего не поймете. Она была дочерью так называемой «девушки для удовольствий», которая умерла от чахотки, покинутая своим любовником. Мать работала танцовщицей, и Аннет тоже страстно увлекалась танцами. Когда я впервые увидел ее, ей было одиннадцать лет – эдакая малышка с глазами то насмешливыми, то многообещающими, крохотное создание, полное огня и жизни. И сразу же – да, сразу же – она сделала меня своим рабом. «Рауль, сделай для меня это. Рауль, сделай для меня то». А я повиновался. Я уже тогда боготворил ее, и она это знала.

Мы вместе гуляли по берегу, мы втроем, так как Фелисия

ходила вместе с нами. И там Аннет снимала туфли и чулки и танцевала на песке. А затем, когда падала, задыхаясь, рассказывала нам, что собирается делать и кем стать.

– Увидите, я буду знаменитой. Да, необычайно знаменитой. У меня будет сотни и тысячи шелковых чулок, из самого тонкого шелка. И жить я буду в изысканных апартаментах. Все мои любовники будут молодые и красивые и к тому же богатые. А когда я буду танцевать, весь Париж станет ходить на меня смотреть. Они будут кричать, вопить, сходить с ума от моего танца. А зимой я не буду танцевать. Я поеду на юг, к солнцу. Там есть виллы с апельсиновыми деревьями. У меня будет такая вилла. Я буду лежать на солнышке, на шелковых подушках, и есть апельсины. А тебя, Рауль, я никогда не забуду, какой бы богатой и знаменитой ни стала. Я буду тебя оберегать и способствовать твоей карьере. Фелисия будет моей горничной... нет, она слишком неуклюжая. Посмотри на ее руки, какие они большие и грубые.

Слыша это, Фелисия обычно сердилась. И тогда Анетт продолжала ее дразнить:

– Она так похожа на леди, эта Фелисия, такая элегантная, такая утонченная. Она просто переодетая принцесса – ха-ха.

– Мои отец и мать были женаты, не то что твои, – злобно ворчала Фелисия.

– Да, и твой отец убил твою мать. Хорошенькое дело, быть дочерью убийцы.

– А твой отец бросил твою мать гнить, – отвечала Фели-

сия.

– Ах да. – Аннет становилась задумчивой. – Бедная маман. Нужно быть сильной и здоровой. Самое важное – быть сильной и здоровой.

– Я сильная, как лошадь, – хвасталась Фелисия.

И она действительно была такой. У нее было сил в два раза больше, чем у любой другой девочки в доме. И она никогда не болела.

Но она была глупой, понимаете, тупой, как глупое животное. Я часто удивлялся, почему она всюду ходит за Аннет. Словно та ее околдовала. Иногда, я думаю, она ее ненавидела, Аннет действительно не была к ней добра. Она издевалась над ее медлительностью и тупостью и изводила ее в присутствии других детей. Я видел, как Фелисия бледнела от ярости. Иногда мне казалось, что она вот-вот сожмет пальцы на шее Аннет и задушит ее. У нее не хватало сообразительности отвечать на колкости Аннет, но со временем она все-таки нашла ответ, который всегда попадал в цель. Это было упоминание о ее здоровье и силе. Она поняла (а я всегда это знал), что Аннет завидует ее физическому здоровью, и инстинктивно наносила удар в это слабое место в броне своего врага.

Однажды Аннет прибежала ко мне очень веселая.

– Рауль, – сказала она. – Мы сегодня посмеемся над этой глупой Фелисией. Просто умрем от смеха.

– Что ты собираешься сделать?

– Пойдем за сарайчик, я тебе расскажу.

Оказалось, Аннет откопала какую-то книгу. Она не все в ней поняла, правда; это было гораздо выше ее понимания. То была одна из первых работ по гипнозу.

– Там говорится, что нужен блестящий предмет. Латунный шарик на моей кровати, он вертится. Я вчера вечером заставляла Фелисию смотреть на него. «Смотри на него не отрываясь, – сказала я. – Не спускай с него глаз». А потом я его начала вращать. Рауль, я испугалась. Ее глаза стали такими странными... такими странными. «Фелисия, ты будешь делать то, что я тебе скажу, всегда», – приказала я. «Я буду делать то, что ты мне скажешь, всегда, Аннет», – ответила она. А потом, а потом я сказала: «Завтра, в двенадцать часов, ты принесешь на игровую площадку сальную свечку и будешь ее есть. А если тебя спросят, ты ответишь, что это – лучшая галета, какую ты когда-либо пробовала». Ох, Рауль, ты только подумай!

– Но она никогда такого не сделает, – возразил я.

– Так написано в книге. Я в это не очень-то верю, но... Ох, Рауль, если в книге все правда, как мы позабавимся!

Мне эта мысль тоже показалась очень смешной. Мы рассказали об этом товарищам, и в двенадцать часов мы все собрались на игровой площадке. С точностью до минуты туда пришла Фелисия с огарком свечи в руке. Верите ли, господа, она начала с серьезным видом откусывать от нее по кусочку! Мы все хохотали до истерики! Время от времени один

из детей подходил к ней и серьезно спрашивал: «То, что ты ешь, вкусно, Фелисия?» И она отвечала: «Ну да, это самая лучшая галета, какую я когда-либо пробовала». И тогда мы все визжали от смеха. В конце концов мы начали смеяться так громко, что этот шум разбудил Фелисию и она осознала, что делает. Она озадаченно заморгала, посмотрела на свечу, потом на нас. Провела рукой по лбу.

– Что я здесь делаю? – пробормотала она.

– Ты ешь свечку! – закричали мы.

– Это я заставила тебя это делать. Я тебя заставила! – кричала Аннет, танцуя вокруг нее.

Фелисия на мгновение уставилась на нее. Потом медленно подошла к Аннет.

– Значит, это ты... это ты выставила меня на посмешище? Кажется, я вспомнила. А! Я тебя за это убью.

Она говорила очень спокойно, но Аннет вдруг бросилась прочь и спряталась за моей спиной.

– Спаси меня, Рауль! Я боюсь Фелисию. Это была всего лишь шутка, Фелисия. Всего лишь шутка.

– Мне не нравятся такие шутки, – ответила Фелисия. – Понимаешь? Я тебя ненавижу. Я вас всех ненавижу.

Она внезапно расплакалась и убежала.

Я думаю, Аннет была напугана результатом своего эксперимента и не пыталась его повторить. Но с того дня ее власть над Фелисией стала еще сильнее.

Фелисия, как я сейчас полагаю, всегда ее ненавидела, но

тем не менее она не могла обойтись без нее. Она всегда следовала за Аннет, как преданная собачка.

Вскоре после этого случая, мсье, мне нашли работу, и я приезжал в дом только иногда, на праздники. Желание Аннет стать танцовщицей никто не принимал всерьез, но с годами у нее развился довольно красивый певческий голос, и мисс Слейтер согласилась, чтобы ее учили пению.

Она не была ленивой, эта Аннет. Она работала как одержимая, без отдыха. Мисс Слейтер вынуждена была запрещать ей работать так много. Однажды она заговорила со мной о ней.

– Тебе всегда нравилась Аннет, – сказала она. – Уговори ее не работать слишком усердно. В последнее время она начала слегка покашливать, и это мне не нравится.

Вскоре после этого я уехал по делам работы далеко от тех мест. Сначала я получил от Аннет одно или два письма. Но потом она замолчала. Я пять лет прожил за границей.

Совершенно случайно, когда я вернулся в Париж, мое внимание привлекла афиша с именем Аннет Равель и ее фотографией. Я сразу же узнал ее. В тот же вечер я отправился в театр, указанный на афише. Она пела на французском и итальянском языках. На сцене она была великолепно. После я зашел к ней в уборную. Она сразу же меня приняла.

– Рауль! – воскликнула она, протягивая ко мне свои руки в белилах. – Это великолепно. Где ты был все эти годы?

Я был готов ей рассказать, но она не очень-то хотела слу-

шать.

– Ты видишь, я почти всего добилась!

Она торжествующим жестом обвела комнату, уставленную букетами цветов.

– Добрая мисс Слейтер, должно быть, гордится твоими успехами.

– Та старушка? Нет, не гордится. Она готовила меня для консерватории. Для благопристойного выступления в концертах. Но я, я – артистка. Именно здесь, на сцене варьете, я могу себя выразить.

В этот момент вошел красивый мужчина средних лет, очень представительный. По его поведению я вскоре понял, что он – покровитель Аннет. Он искоса посмотрел на меня, и Аннет объяснила:

– Друг моего детства. Он проездом в Париже. Увидел мою фотографию на афише, *et voila!*

Мужчина стал очень любезным и учтивым. Он при мне достал браслет с рубинами и бриллиантами и застегнул его на запястье Аннет. Когда я встал, собираясь уходить, она бросила на меня торжествующий взгляд и прошептала:

– Я добилась успеха, разве нет? Ты видишь? Весь мир у моих ног.

Но когда я выходил из комнаты, я услышал ее кашель, сухой, резкий кашель. Я понял, что означает этот кашель. Это было наследство ее чахоточной матери.

В следующий раз я увидел ее через два года. Она уехала к

миссис Слейтер в поисках приюта. Ее карьера рухнула. У нее была та стадия чахотки, когда, по словам врачей, уже ничего нельзя сделать.

Ах! Никогда не забуду, какой я увидел ее тогда! Она лежала в саду, под чем-то вроде навеса. Ее держали на свежем воздухе днем и ночью. Щеки ее ввалились и горели румянцем, глаза лихорадочно блестели, она все время кашляла.

Она поздоровалась со мной с каким-то отчаянием, которое меня поразило.

– Я так рада видеть тебя, Рауль! Знаешь, что они говорят? Что я уже не поправлюсь. Они говорят это у меня за спиной, как ты понимаешь. Меня они успокаивают и утешают. Но это неправда. Рауль, это неправда! Я не позволю себе умереть. Умереть? Когда передо мной такая прекрасная жизнь? Главное – это воля к жизни. Так говорят сейчас все великие врачи. Я не из тех слабых людей, которые сдаются. Я уже чувствую себя несравненно лучше – несравненно лучше, слышишь?

Она приподнялась на локте, чтобы придать вес своим словам, потом упала на спину, сотрясаясь всем своим истощенным телом в приступе кашля.

– Кашель – это чепуха, – задыхаясь, произнесла она. – И кровотечения меня не пугают. Я удивлю врачей. Воля – вот что важно. Запомни, Рауль, я буду жить.

Это было жалкое зрелище, понимаете, жалкое.

В этот момент из дома вышла Фелисия Болт с подносом,

где стоял стакан горячего молока. Она подала его Аннет и смотрела, как она пьет, с выражением, которое я не мог определить. В нем было нечто вроде самодовольного удовлетворения.

Аннет тоже поймала этот взгляд. Она сердито отшвырнула стакан, который разбился на кусочки.

– Ты ее видишь? Вот как она на меня всегда смотрит. Она рада, что я умру! Да, она полна злорадства. Она, такая здоровая и сильная. Посмотри на нее, она ни одного дня не болела! И все это зря. Какой ей толк от этого замечательного тела? Какая ей от него польза?

Фелисия нагнулась и подобрала осколки разбитого стакана.

– Мне все равно, что она говорит, – произнесла она нараспев. – Какое это имеет значение? Я – порядочная девушка, да. А вот она... Очень скоро ее ждет огонь Чистилища. Я христианка, я молчу.

– Ты меня ненавидишь! – закричала Аннет. – Ты всегда меня ненавидела. А, но я все равно могу тебя заколдовать. Могу заставить тебя делать, что мне захочется. Если я тебе прикажу, ты встанешь передо мной на колени, сейчас, в траву.

– Ты говоришь чепуху, – с тревогой сказала Фелисия.

– Да, ты это сделаешь. Сделаешь. Чтобы мне угодить. Становись на колени. Я требую, я, Аннет. На колени, Фелисия.

То ли дело было в этом чудесном, умоляющем голосе, то

ли мотив был более глубоким, но Фелисия повиновалась. Она медленно опустилась на колени, широко раскинув руки, с глупым, ничего не выражающим лицом.

Аннет запрокинула назад голову и рассмеялась – один взрыв смеха следовал за другим.

– Посмотри на нее, на ее глупую физиономию! Как она смешно выглядит. Ты можешь теперь встать, Фелисия, спасибо! Бесплезно на меня злиться. Я – твоя госпожа. Ты должна делать то, что я говорю.

Она откинулась на подушки без сил. Фелисия взяла поднос и медленно пошла прочь. Один раз она оглянулась через плечо, и тлеющая в ее глазах обида поразила меня.

Меня там не было, когда Аннет умерла. Но, по-видимому, ее смерть была ужасной. Она цеплялась за жизнь. Она сражалась со смертью как безумная. Снова и снова она, задыхаясь, кричала:

– Я не умру – вы меня слышите? Я не умру. Я буду жить, жить...

Мисс Слейтер рассказала мне все это, когда я приехал навестить ее шесть месяцев спустя.

– Мой бедный Рауль, – ласково сказала она. – Ты ведь любил ее, правда?

– Всегда, всегда. Но какую я мог принести ей пользу? Давайте не будем об этом говорить. Она умерла – такая великопная, полная жизни...

Мисс Слейтер умела сочувствовать. Она стала говорить о

другом. Ее очень тревожила Фелисия, так она мне сказала. У девушки случился нервный припадок, и с тех пор она вела себя очень странно.

– Знаешь, – сказала мисс Слейтер, секунду поколебавшись, – она учится играть на пианино.

Я этого не знал и был очень удивлен, услышав об этом. Фелисия – и учится играть на пианино! Я был готов поклясться, что эта девушка не отличит одну ноту от другой.

– Говорят, у нее есть талант, – продолжала мисс Слейтер. – Я не понимаю этого. Я всегда считала ее... ну, Рауль, ты и сам знаешь, она всегда была глупой девочкой.

Я кивнул.

– Она иногда ведет себя так странно, и я не знаю, как это понимать.

Через несколько минут я зашел в наш зал для занятий. Фелисия играла на пианино. Она играла ту мелодию, которую я слышал в Париже, ее пела Аннет. Понимаете, мсье, я был потрясен. А затем, услышав, как я вошел, она внезапно бросила играть и оглянулась на меня насмешливым и умным взглядом. На мгновение я подумал... ну, я вам не скажу, что подумал.

– Ну и ну! – воскликнула она. – Так это вы, мсье Рауль!

Не могу вам описать, как она это произнесла. Для Аннет я никогда не переставал быть «Раулем». Но Фелисия, с тех пор когда мы встретились уже взрослыми, всегда обращалась ко мне «мсье Рауль». Однако теперь она произнесла это иначе,

как будто слово «мсье», слегка подчеркнутое, было очень забавным.

– Ну, Фелисия, – запинаясь, произнес я. – Ты сегодня совсем иначе выглядишь.

– Неужели? – задумчиво спросила она. – Это странно. Но не будь таким серьезным, Рауль, – я буду называть тебя просто Раулем, разве мы не играли вместе детьми? Жизнь создана, чтобы смеяться. Давай поговорим о бедняжке Аннет, о той, которая умерла и была похоронена. Интересно, она в Чистилище или где?

И она напела отрывок из песни, довольно фальшиво, но мое внимание привлекли слова.

– Фелисия! – вскричал я. – Ты говоришь по-итальянски?

– А почему бы и нет, Рауль? Возможно, я не такая глупая, какой притворяюсь. – И она рассмеялась, словно разыграла меня.

– Я не понимаю... – начал я.

– А я тебе объясню. Я очень хорошая актриса, только никто об этом не подозревает. Я могу играть много ролей, и играть их отлично.

Она опять рассмеялась и быстро выбежала из комнаты, прежде чем я успел ее остановить.

Я увидел ее снова перед отъездом. Она спала в кресле, при этом сильно храпела. Я стоял и смотрел на нее, зачарованный и одновременно полный отвращения. Вдруг она резко вздрогнула и проснулась. Ее взгляд, тусклый и безжизнен-

ный, встретился с моим взглядом.

– Мсье Рауль, – механически пробормотала она.

– Да, Фелисия, я уезжаю. Сыграешь для меня еще раз перед отъездом?

– Я? Сыграть? Вы надо мной смеетесь, мсье Рауль.

– Разве ты не помнишь, как играла для меня сегодня утром?

Она покачала головой.

– Я играла? Как может играть такая бедная девушка, как я?

Она секунду помолчала, словно задумалась, потом помянула меня поближе.

– Мсье Рауль, в этом доме происходят странные вещи! Они играют с тобой шутки. Они переводят часы. Да, да, я знаю, о чем говорю. И это все ее проделки.

– Чьи проделки? – спросил я, пораженный.

– Той самой Аннет. Злой Аннет. Когда она была жива, то всегда мучила меня. Теперь, когда она умерла, она возвращается из мира мертвых, чтобы меня мучить.

Я уставился на Фелисию. Теперь я видел, что она чрезвычайно напугана, глаза ее были широко открыты от ужаса.

– Она плохая, эта Аннет. Она плохая, я вам говорю. Она вынимает хлеб прямо у тебя изо рта, снимает с тебя одежду, *вынимает из тебя душу...*

Она внезапно вцепилась в меня.

– Я боюсь, я вам говорю, боюсь. Я слышу ее голос – не

ушами, нет, не ушами. Здесь, в голове. – Она постучала себя пальцем по лбу. – Она меня прогонит, совсем прогонит, и что мне тогда делать, что со мной станет?

Ее голос поднялся почти до крика. Она смотрела взглядом испуганного дикого зверя, загнанного в угол.

Внезапно Фелисия улыбнулась приятной, насмешливой улыбкой, но что-то в ней заставило меня содрогнуться.

– Если до этого дойдет, мсье Рауль, то у меня очень сильные руки, очень сильные руки.

Я никогда прежде не обращал особого внимания на ее руки. Теперь я посмотрел на них и вздрогнул помимо воли. Короткие грубые пальцы и, как сказала Фелисия, ужасно сильные... Я не могу вам объяснить, почему меня вдруг так затошнило. Наверное, такими руками, как эти, ее отец задушил ее мать...

Тогда я в последний раз видел Фелисию Болт. Сразу же после этого я уехал за границу, в Южную Америку, и вернулся оттуда лишь через два года после ее смерти. Я кое-что читал в газетах о ее жизни и внезапной смерти. Сегодня ночью я услышал больше подробностей – от вас, джентльмены! Фелисия 3 и Фелисия 4, говорите? Она была хорошей актрисой, знаете ли!

Поезд неожиданно замедлил ход. Человек в углу выпрямился и плотнее застегнул пальто.

– Какова ваша теория? – спросил адвокат, наклонившись вперед.

– Мне просто не верится... – начал каноник Парфитт и осекся.

Доктор ничего не сказал. Он в упор смотрел на Рауля Латардо.

– «Снимает с тебя одежду, вынимает из тебя душу», – легкомысленным тоном процитировал француз. И встал. – Я вам говорю, господа, что история Фелисии Болт – это история Аннет Равель. Вы не знали ее, джентльмены. А я знал. *Она очень любила жизнь...*

Уже взявшись рукой за дверь, готовый выйти, он вдруг обернулся, наклонился и постучал каноника Парфитта пальцем по груди.

– Этот мсье доктор, он только что сказал, что все *это*, – его рука прошла по животу каноника, и тот вздрогнул, – всего лишь наше место жительства. Скажите, если вы обнаружите в своем доме грабителя, что вы сделаете? Пристрелите его, не так ли?

– Нет! – закричал каноник. – Ни в коем случае... то есть... в нашей стране – нет.

Но последние слова он произнес уже в воздух. Дверь вагона хлопнула.

Священник, адвокат и доктор остались одни. Четвертый угол опустел.

Святилище Астарты

– А теперь, доктор Пендер, что вы расскажете нам?

Старый священник смущенно улыбнулся.

– У меня жизнь прошла тихо, – сказал он. – В ней не было ничего особенного. Пожалуй, только однажды в молодости я был свидетелем трагического случая.

– О! – подзадорила его Джойс Ламприер.

– Он запомнился мне на всю жизнь, – продолжил священник. – Врезался в память, и мне не надо особенно напрягаться, чтобы вновь почувствовать охватившие меня трепет и ужас при виде человека, смертельно раненного непонятным оружием.

– Вы заставляете меня содрогнуться! – воскликнул сэр Генри.

– Я сам, как вы выразились, содрогнулся от этого. С тех пор я никогда не смеялся над теми, кто серьезно относится к разного рода суевериям. Существуют места, пользующиеся дурной или доброй славой, и иногда они дают о себе знать.

– Вот «Лиственницы», например, очень несчастливый дом, – заметила мисс Марпл. – Старый мистер Смидерс потерял все свое состояние и был вынужден покинуть его. Потом дом купили Карслейки – через некоторое время Джонни Карслейк упал с лестницы и сломал себе ногу, а миссис Карслейк захворала, и ей пришлось поехать на юг Франции по-

правлять здоровье. А сейчас его купил Берденс, и я слышала, что бедному мистеру Берденсу нужно срочно оперироваться.

– Я думаю, тут и слухи играют немалую роль, – заговорил Петерик.

– Мне известны два «призрака», которые представлены вполне конкретными людьми, – заметил, усмехнувшись, сэр Генри.

– Я думаю, – сказал Реймонд, – нам надо дать возможность доктору Пендеру продолжить рассказ.

Джойс поднялась и выключила обе лампы, комната теперь освещалась только мерцающим светом камина.

– Атмосфера создана, – сказала она, – можно продолжать.

Доктор Пендер улыбнулся ей и, устроившись на стуле поудобнее, приступил к своему рассказу:

– Не знаю, известно ли кому-нибудь хоть что-то о Дартмуре⁶. Место, о котором идет речь, находится на подступах к Дартмуру. Там продавалось имение. Несмотря на то что поместье было превосходное и окрестные пейзажи удивительно живописны, покупатель не находился несколько лет. В конце концов его купил человек по фамилии Хейдон, сэр Ричард Хейдон. Я знал его по колледжу, и, хотя на несколько лет потерял из виду, старые приятельские отношения сохранились, и я с удовольствием принял приглашение приехать к нему в «Тихую рощу» – так называлось его приобретение.

⁶ Дартмур – холмисто-болотистая местность на юго-западе Англии, в графстве Девоншир.

Собралось не очень много народу. Сам Ричард Хейдон, его двоюродный брат Эллиот Хейдон, леди Маннеринг с бледной, довольно невзрачной дочкой по имени Виолетта, капитан Роджерс с женой – заядлые лошадики с загорелыми лицами, для них лошади и охота были единственным смыслом жизни. Кроме того, был молодой доктор Саймондз и была мисс Диана Ашли. Я знал немного о последней. Ее фотографии часто встречались в светской хронике. Внешность ее, без сомнения, производила впечатление. Она была темноволосая, высокая, кожа у нее была матовая, слегка смуглая, а узковатые темные раскосые глаза придавали ее облику особую, восточную изысканность. Голос у нее был необыкновенно глубокий, грудной и звучал словно колокол.

Я сразу понял, что мой приятель, Ричард Хейдон, сильно ею увлечен, и догадался, что все затеяно исключительно ради нее. В отношении ее чувств у меня не сложилось четкого представления. Мисс Ашли не была постоянна в своих симпатиях. Один день она разговаривала только с Ричардом, а всех остальных не замечала, на другой день проявляла расположение к его двоюродному брату Эллиоту и, казалось, едва ли замечала, что существует еще такой человек, как Ричард, а затем начинала одаривать самыми многообещающими улыбками скромного и незаметного доктора Саймондза.

На следующее утро после моего приезда хозяин показал нам все поместье. Само здание было ничем не примечатель-

но: добротный, прочный дом из девонширского гранита. Построен на века, любая непогода для него нипочем. Самый обычный, но удобный. Из его окон открывался вид на Мур⁷, на далеко простирающиеся возвышенности, заканчивающиеся разрушенными непогодой скалистыми вершинами.

На ближайшем склоне виднелись следы минувшего каменного века – круги от фундамента жилищ. На соседней возвышенности находился курган, где недавно велись раскопки и была обнаружена кое-какая бронзовая утварь. Хейдон проявлял некоторый интерес к археологическим находкам и очень увлеченно, с пафосом рассказывал нам об этом. Здесь были найдены останки пещерных людей эпохи неолита, памятники друидов⁸, следы пребывания римлян и даже древних финикийцев.

«Но вот это место, пожалуй, самое интересное, – сказал Хейдон. – Вы знаете, что оно называется «Тихая роща». И довольно нетрудно догадаться о происхождении этого названия. Вот эта, – он показал рукой, – часть местности была довольно голой: скалы, вереск да папоротник, но примерно в ста ярдах от дома была посажена густая роща. Она дошла до нас из глубины веков. Деревья погибали и вновь высаживались, и поэтому она сохранилась такой, как была раньше, может быть, даже во времена финикийских поселенцев. Пойдемте взглянем на нее».

⁷ Мур – река, впадает в залив Лайм.

⁸ Друиды – жрецы у древних кельтов в Британии.

Все последовали за ним. Когда мы вошли в рощу, я ощутил какую-то необычную подавленность. Я думаю, что так подействовала тишина. Казалось, и птиц на деревьях нет. Невольно мне стало страшно. Я увидел, что Хейдон улыбается и смотрит на меня с любопытством.

«Вызывает это место какое-то ощущение, Пендер? – спросил он. – Чего-то враждебного? Или какой-то тревоги?»

«Мне здесь не нравится», – спокойно заявил я.

«И неудивительно. Это место было оплотом одного из древних врагов вашей веры. Это роща Астарты»⁹.

«Астарты?»

«Астарты, или Ашерат, – это уж как вам больше нравится ее называть. Финикийскому имени я предпочитаю Астарту. Мне кажется, у нас в стране известна одна роща Астарты – на севере, на Уолле. У меня нет доказательств, но мне бы очень хотелось считать, что здесь у нас настоящая, подлинная роща Астарты. Что здесь, среди деревьев, совершались священные обряды».

«Священные обряды... – негромко повторила Диана Ашли с мечтательным и отсутствующим видом. – Интересно, как это было?»

«Наверняка что-нибудь неприличное, – сказал капитан

⁹ Астарта – греческое наименование главной финикийской богини Ашторет (Ашерат). Почиталась как богиня плодородия, материнства и любви, а также как богиня прибывающей луны. Изображалась в виде обнаженной женщины с коровьими рогами на голове, с руками, прижатыми к груди или к бедрам, а иногда в одеянии, с короной на голове и с тамбурином.

Роджерс, не к месту рассмеявшись. – Сплошной разврат, представляю себе».

Хейдон не обратил на него никакого внимания.

«В центре рощи, должно быть, стоял храм, – сказал он. – До храмов я еще не дошел, но позволил себе маленькую безделицу».

В этот момент мы вышли на небольшую поляну. На ней было установлено нечто отдаленно напоминающее беседку из камня. Диана Ашли вопросительно посмотрела на Хейдона.

«У меня это называется святилище, – сказал он. – Это святилище Астарты».

И мы направились туда. Внутри на грубом черном столбе была установлена необычная маленькая скульптура, изображающая женщину с рогатым полумесяцем на голове, сидящую на льве.

«Астарта финикийская, – пояснил Хейдон. – Богиня луны».

«Богиня луны! – воскликнула Диана. – А давайте устроим сегодня вечером дикий загул. Маскарад! Выйдем сюда при лунном свете и совершим обряд Астарты».

Меня неожиданно передернуло, и Эллиот, двоюродный брат Ричарда, тут же обернулся.

«Вам это все не нравится, да, святой отец?» – спросил он.

«Да, – ответил я с достоинством, – не нравится».

Он посмотрел на меня с любопытством: «Но это же только

дурачество. Дик¹⁰ не может знать, священная эта роща на самом деле или нет. Это просто выдумки, ему нравится так думать. И даже если бы...»

«Если бы?»

«Ну, – он принужденно засмеялся, – вы же не верите во всякое такое, правда? Вы ведь священник».

«Почему это если я священник, то не должен верить в это?»

«Но к таким вещам никто всерьез не относится».

«Не уверен. Я знаю одно: по натуре я человек не очень впечатлительный, но стоило мне зайти в рощу, как у меня возникло необычное ощущение, ощущение опасности, предчувствие несчастья».

Эллиот неловко оглянулся.

«Да, – сказал он. – Действительно, что-то не то. Я знаю, понимаю, что вы имеете в виду, но мне кажется, что это лишь игра нашего воображения. А что вы скажете, Саймондз?»

Доктор помолчал с минуту. Затем невозмутимо ответил:

«Мне здесь не нравится. Объяснить почему – не могу. Но все равно мне здесь не нравится».

В этот момент ко мне подошла Виолетта Маннеринг.

«Мне здесь неприятно! – закричала она. – Неприятно! Прощу вас, уйдемте отсюда».

Мы пошли обратно. Только Диана Ашли замешкалась. Я оглянулся: она стояла перед святилищем и внимательно раз-

¹⁰ Дик – уменьшительное от Ричарда.

глядывала скульптуру внутри его.

День был прекрасный, необычно жаркий, и предложение Дианы Ашли было единодушно принято. И тут началась подготовка: как всегда, перешептывание и смех, как всегда, костюмы изготавливались втайне, и вот, когда все заявились на обед, началось настоящее веселье. Роджерс с женой были пещерными людьми эпохи неолита (это объяснило исчезновение ковриков от камина). Ричард Хейдон назвался финикийским моряком, а его двоюродный брат был главарем бандитов, доктор Саймондз – шеф-поваром, леди Маннеринг – сестрой милосердия, а ее дочка – пленницей-черкешенкой. Я сам нарядился чересчур тепло – монахом. Диана Ашли вышла последней и несколько разочаровала нас всех. Она просто завернулась в черное бесформенное домино.

«Незнакомка, – кокетливо провозгласила Диана, – вот кто я. А теперь, ради бога, давайте обедать».

После обеда мы вышли на улицу. Стоял прекрасный вечер, теплый, спокойный, тихий. Выходила луна.

Мы прогуливались и болтали, время шло быстро. Наверное, только через час мы обнаружили, что с нами нет Дианы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.